

Читайте:

4 Виктория ТАТУР:
Письмо-хотелка

14 Валентина НОВОШИНСКАЯ:
Это сладкое слово - свобода

6 Ольга АРИСТАРИНА:
Сила искусства

20 Леонид АГИБАЛОВ:
«Постскриптум к раздумью»

8 Прогулки по Питеру:
Ослеплённые от красоты и роскоши

22 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА:
Впечатления моей жизни

10 Валерий АНИШКИН:
Уроки жизни

28 Дмитрий ЩЕГЛОВ:
Вечный огонь

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

24 марта наш журнал отмечает своё 25-летие. За эти беспокойные и во многом противоречивые годы мы ни на день не закрывались, не гнулись под бременем обстоятельств. Не побоюсь утверждать, что мы были едва ли не единственными из средств массовой информации, кто за четверть века (несмотря на часто меняющиеся нравы и корыстные желания властей) не признавали никакой цензуры и и не работали кому бы то ни было в угоду.

Наш девиз был и есть: «Живите по совести, а не по принципу: чего изволите?»

За это время на страницах журнала (а в свет вышло 190 номеров) выступили в качестве авторов или стали персонажами материалов свыше двух тысяч человек. Наши сотрудники многих из них впервые открыли для читателей. Интересно, что даже сегодня, приходя к кому-то в гости, мы можем увидеть журнал на видном месте, особенно если на обложке есть фото героя публикации.

Важно заметить, что за это время мы не попросили ни одной копейки из бюджета. На содержание журнала тратили собственные средства и пожертвования бескорыстных благотворителей. И мы вправе этим гордиться. Стало быть, есть уверенность в собственных силах и независимой политике, направленной на поддержание в обществе морально-нравственных ценностей, настоящее (а не показное) воспитание подрастающего поколения, почитание подвигов простых русских воинов, уважение к традициям и заслугам предков.

Я искренне благодарен всем, кто помогал и продолжает помогать делать журнал, кто имеет свою точку зрения и хочет служить «русской изящной словесности».

Мы помним всех наших единомышленников, особенно тех, кто в эти годы ушёл из жизни, оставив по себе добрую память. И за них поднимем первый тост на юбилейном вечере.

Хочется надеяться, что когда придёт время нам, ветеранам, уходить на покой (хотя он нам лишь снится), молодые последователи подхватят знамя честной и независимой журналистики. Конечно, их будут ждать трудности и даже опасности, которые выпали на нашу долю. Но осознание того, что в этом мире не всё продаётся и покупается, лично мне будет греть душу...

№57 март 2025
Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:
РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02
Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

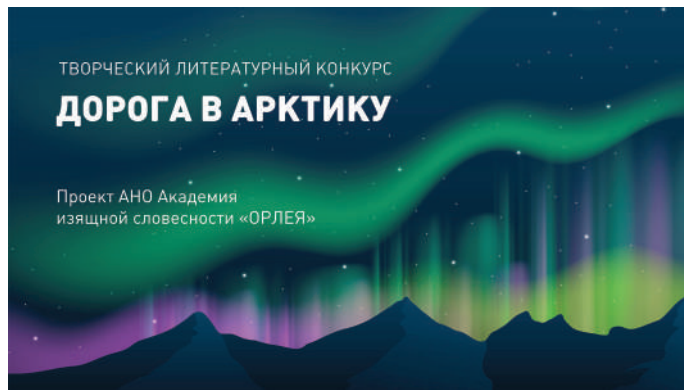
Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ
Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА
Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.03.2025 г. Выход в свет: с 01.03.2025 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №57-НО+ Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать
присылаемые материалы без объяснения причин

ПИСЬМО-ХОТЕЛКА

– Ура-а-а! Свобода! – с победным криком Тёмыч выскочил из школы, слепил снежный ком и запустил его высоко в небо.

Начались долгожданные каникулы. Теперь никаких уроков, и домашних. Но главное – не надо ходить в музыкалку. Можно отложить ненавистную скрипку и не притрагиваться к нотам. Тёмыч вообще бы её в руки не брал. Но мама вечно твердит, что скрипка ему когда-нибудь пригодится.

Осталось только письмо Деду Морозу написать. Но каждый день выходило так, что Тёмыч всё время был занят. То на санках с папой катался, то снеговиков лепил, то с ребятами во дворе снежную крепость сооружал. Он бы так и не вспомнил, если бы мама на кануне Нового года не спросила:

– Ты письмо Деду Морозу написал?

– Забыл! – Тёмыч хлопнул себя по лбу и бросился в свою комнату. Вырвал из тетради лист в клетку и стал писать: «Дед Мороз, я хочу трюковой самокат».

– Вот! – Тёмыч показал письмо маме.

Она взглянула на каракули сына и ахнула:

– Кто же так письма пишет? Ни здравствуйте, ни до свидания. Дед Мороз, наверно, страшно расстраивается, когда получает такие письма-хотелки.

Пристыженный Тёмыч вернулся в комнату, вырвал ещё один лист из тетради и написал: «Здравствуй, Дед Мороз. Я хочу трюковой самокат. До свидания».

Затем снова прибежал к маме:

– А теперь как?

– Уже лучше. Но это пока всё равно «письмо-хотелка».

– Да что же еще нужно? – рассердился Тёмыч.

– Вот и подумай. Сам.

Он снова вернулся в комнату. Привычно вырвал тетрадный лист. Поразмыслил и аккуратно вывел на странице: «Здравствуй, дорогой Дед Мороз!»

– Неплохо, – похвалил он сам себя и продолжил. – «Поздравляю с наступающим Новым годом! Как ты поживаешь?»

Тёмычу захотелось больше рассказать о себе, чтобы Дед мороз знал, кому дарить подарок. И тогда он написал, как ездил летом на море, как сам впервые выбрал маме букет цветов на день рождения, как получил за стихотворение двойку и, как терпеть не может скрипку.

От усердия рука устала и даже затылок вспотел. А глаза так и вовсе слипались. Но осталось совсем немного.

«Я хочу...», – написал Тёмыч и задумался. Интересно, а что хочет Дед Мороз? И дарят ли ему подарки? А если дарят, то какие?

– Тебе правда интересно? – раздался тоненький голосок над самым ухом.

Тёмыч вздрогнул и поднял голову. На настольной лампе сидел крошечный гном. Он болтал ногами, а его красный колпак съехал на бок.

– Ты кто? – опешил Тёмыч.

– Будто сам не видишь, – надулся от обиды гном.

– Вижу. Но этого не может быть!

– Это меня-то не может быть? Вот превращу тебя в сосульку, –

Каждое слово приближает вас к совершенству. Каждый новый текст – это возможность учиться и расти как писатель. Не пытайтесь угодить всем, пишите о том, что вас вдохновляет, цепляет и не оставляет равнодушным. Продолжайте исследовать, пробовать и создавать. Вы уникальны и талантливы, помните об этом!

Виктория ТАТУР, детский писатель, член жюри конкурса «Дорога в Арктику»

распоясался гном, но тут же примирительно добавил. – Да пошутил я. Колдовство не по моей части.

– Я сплю, да? – догадался Тёмыч.

– Если тебе станет легче, думай так, – согласился гном. – Так правда интересно, чего хочет Дед Мороз?

– Правда.

– Тогда вперёд!

Гном вскочил на плечо Тёмыча и затопал крошечными ножками. Из его карманов посыпались голубые снежинки. Их становилось всё больше. Комната бешено закружилась, и Тёмыч зажмурил глаза.

– Можешь открывать, – раздался знакомый тоненький голос.

Тёмыч осторожно открыл один глаз и обомлел. Кругом бревенчатые стены, украшенные еловыми ветками с красными и золотыми шарами. В одном углу белёная печь, а в другом пузатый шкаф. В центре – стол, заваленный письмами, а рядом с ним настоящий ледяной стул.

– Это я... – начал Тёмыч.

– Да-да, – перебил его гном. – В гостях у Деда Мороза.

– А где же он сам?

– Поехал первую партию подарков разносить. Ты, кажется, хотел ему что-то подарить?

– Я? Ага. Только... только я не знаю, что он хочет.

– Валенки у него прохудились. Ходит, носом шмыгает, потому что ноги в тепле не держит, – прогудела печка.

Она поскрипела белёными кирпичами и чихнула горсткой золы. Тёмыч даже на два шага отступил от удивления:

– Где же я ему валенки достану?

– А что ты умеешь? – лукаво спросила печка.

– Ничего не умею, – честно признался Тёмыч.

– Совсем ничего? – не отставала печка.

– Ну, на скрипке немного.

– Вот и играй!

Крошечный гном подбежал к шкафу и распахнул дверцы. Там на полках лежало несметное количество игрушек. Он долго в нем копался и наконец вытянул скрипку со смычком. А следом выудил рулон войлока.

– Просто играть и всё? – Тёмыч взял скрипку.

– Играй так, как будто тебя слушает сам Дед Мороз, – пыхнула печка.

Тёмыч занёс смычок и вывел первые неуверенные звуки. Затем собрался, вспомнил, что проходил в музыкалке и заиграл. Музыка взвилась в воздух, пронеслась по бревенчатым стенам, звонко пробежала по ледяному стулу и закружилась по комнате.

А в это время войлок сам собой начал распускаться и танцевать. С каждым движением от становился всё тоньше, закручивался, вытягивался и превращался в настоящий валенок.

У Тёмыча затекли руки, на висках выступили капельки пота. Но он всё играл и играл, пока второй валенок не был готов. Наконец он выдохнул и опустил скрипку.

– А говорил, ничего не умеешь, – обрадовалась печка.

И действительно, на полу стояло два чудесных валенка с голубыми узорами-снежинками по бокам.

– Вот и пригодилась скрипка, – от усталости Тёмыч опустился на пол и зевнул.

– Вставай, соня! Новый год проспишь, – в комнату вошла мама. Она выудила письмо из-под руки Тёмыча, который так и уснул за столом.

– А где гном? И печка? – спросил он, озираясь по сторонам.

– Фантазёр! – мама потрепала его по волосам. – Пойдём за стол.

К нам уже и бабушка с дедушкой пришли Новый год встречать.

После праздничного ужина бабушка попросила:

– Тёмушка, сыграй на скрипочке.

– Он сейчас снова бурчать начнёт и отнекиваться, – махнул рукой папа.

– Почему? Я сыграю, – неожиданно для себя согласился Тёмыч.

Он достал скрипку, и мелодия полилась. Он играл так, будто его слушал сам Дед Мороз, а вместе с ним и любимая бабушка с дедушкой, и мама с папой.

На последней ноте начали бить куранты.

– Ура-а-а! С новым годом! – закричали все и принялись обниматься.

И тут неожиданно раздался звонок. Тёмыч бросился в прихожую, распахнул дверь и увидел на пороге трюковой самокат. К нему ленточкой был привязан конверт. Тёмыч раскрыл его и прочёл:

«Здравствуй, дорогой Тимофей! Получил все три твоих письма. Последнее мне особенно понравилось. С наилучшими пожеланиями, Дед Мороз».

– Это, наверно, родители так надо мной подшутили, – решил Тёмыч.

Затем перевернул лист и чуть не упал от удивления. Там крупными буквами с завитушками была надпись: «А за валенки отдельное спасибо!»

Равнение на героев

В актовом зале Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС состоялось поистине запоминающееся мероприятие, объединившее поколения и подарившее студентам бесценный урок истории и патриотизма. В рамках патриотического проекта «Вечный огонь» (или – «Из книги – на экран») состоялся просмотр документального фильма «Шлемофон с косичками», трогательной истории о жизни и судьбе женщин-лётчиц, воевавших и погибших в небе Орловщины. Фильм глубоко затронул сердца зрителей, напомнив о тяготах и лишениях военного времени, о мужестве и стойкости советского народа.

А ещё писатели Геннадий Майоров и Михаил Коньшин провели со студентами доверительный разговор об истоках советского патриотизма и важности

быть достойными подвигов предков, особенно в наше беспокойное время.

Валерия КАБАНОВА,
студентка факультета «Экономика и менеджмент» 3 курса группы 3 МОСП(б)
Фото автора

Ольга АРИСТАРИНА,
член Союза российских писателей

Главная на сегодняшний день награда – Гран-при Всероссийского литературного конкурса «Спасите пушкинский язык» в 2019 году, за что получила грант на издание своей первой книги рассказов «Искушение». Лауреат первой степени Всероссийского литературного конкурса «Первая книга». Обладатель диплома 3-й степени Международного литературного конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Стихи для детей», лауреат Международного литературного конкурса «Большой финал», лауреат I степени Международного литературного конкурса «Мир сказок».

Публиковалась в журналах «Страстной бульвар», «Новый Орёл», «Балтика», «Сура», «Ротонда», «Белая скала», альманахах «Под парусом спасения», «Тургеневский бережок», в областных газетах «Орловская правда», «Орловский вестник». Автор 4 книг.

Сила искусства

Я лес вчера нарисовал –
Правдоподобно очень.
И в нём плутал, плутал, плутал,
Плутал до самой ночи.

Я сел под дуб, нарисовал
Огромный бутерброд,
Устроил маленький привал
И двинулся вперёд.

Луну себе изобразил –
Побольше, пожелтей.
Потом немного загрузил,
Нарисовал друзей.

А что они сидят себе,
Сухарики грызут,
А я брожу один во тьме,
В нехоженом лесу!

Теперь признаюсь, что вполне
Мне нравится пейзаж:
Друзей, поющих при луне,
Я взял на карандаш.

Макароны

Я купила макароны,
Я сварила макароны,
Посолила макароны
И теперь гляжу на них.

Для чего же макароны,
Отчего же макароны
Вдруг попали в этот стих?

Есть какое-то сомненье,
Что причина – вдохновенье
И моя душа поёт...

Эти сахарные строки,
Эти масляные строки
Подсказал мне мой живот!

Он ещё мне очень тонко
Все подсказывал сгущёнку,
Но закончилась она...

Если вдруг в желудке пусто,
Не должно быть очень грустно:
Жизнь поэзии полна.

Есть к тому же макароны,
Макароны, макароны
И их можно есть и съесть!

Стихотворение на вырост

Я пишу себе стих на вырост
Про любовь и про всё такое,
Чтобы понял, когда я вырос,
Был печален и беспокоен.

Я пишу себе стих с запасом
Про запас и на всякий случай.
Он о чём-то таком прекрасном,
Что пока промолчу я лучше.

Этот стих оценю когда-то
Через годы, ветра потери,
А пока я расту, ребята,
Я его понимаю еле...

Подвиг

Как жаль, что больше нет драконов,
Нет рыцарей, мечей и лат...
Ах, по какому бы закону
Вернуть всё это мне назад!

С утра задался я вопросом
О славе, доблести, боях.
Теперь сражаюсь с пылесосом
И «победу» его на днях ...

Нет – «побежу»! Долой сомненье.
Сразу уверенной рукой.
Вот это будет приключенье.
И это будет славный бой.

Я смело на него взобрался.
Держался, я что было сил.
Но папа мой не разобрался,
Кто в этой схватке победил.

Ну ладно, вариантов куча.
Я, убираясь, не грущу.

Гуманней будет, будет лучше,
Коль пылесос я укрощу...

О селекции

Цветочки, ягодки – конечно, хорошо,
Но недостаточно. И вы меня поймёте!
Вот был бы взрослым, я бы сорт нашёл,
Чтоб в банки закрывался в огороде!

Поспела ягода – и всякие грачи,
И братья младшие её хотят покушать.
А ты уже наелся: всё, молчи.
Ведь не втрамбуешь ягоды по уши!

Вот потому-то было б хорошо,
Когда б на огороде спозаранку
Все ягоды, чтоб брат мой не нашёл,
Сорвались и залезли сами в банку.

Варенье – это на зиму. Закон!
И слово бабушки – оно покрепче стали!
Мой сорт почти уже изобретён.
Остались так – отдельные детали.

Полуложь

Я вру, но лишь наполовину.
Вот так устроен я, друзья.
Я в ванной развожу дельфинов,
А, может быть, совсем не я!

А, может быть, не в ванной даже.
И не дельфинов, может быть.
Я вру. Тут ничего не скажешь!
Но я хотел предупредить.

Я вру, но лишь наполовину.
И оправдать себя готов,
Ведь вру я всё же про дельфинов!
Про восхитительных дельфинов,
А не каких-то пауков.

Анатолий

Мой шкаф зовётся Анатолий
И у него тяжёлый нрав.
В нём не ужиться даже моли,
Нечаянно туда попал.

Он складывать носки по парам
 Меня навеки приучил
 И новый свитер сделал старым,
 Когда я свитер не зашил...

В нём даже джинсы к стенке жмутся
 И майки стопками лежат,
 Ремни и запонки найдутся,
 Рубашки мяться не хотят...

Иначе мигом Анатолий
 Сжует капризное бельё
 И мне сидеть придётся в школе,
 Одетым в папино тряпье.

Вы скажете: и что такого –
 Лежат носки наперечёт...
 Мой шкаф, вступивший
 с мамой в сговор,
 Мне просто жизни не даёт!

Скамейки

Мама-скамейка спит у крылечка.
 Снится ей поле, равнина и речка.

Папа-скамейка спит у сарая,
 Видит, как в небе проносится стая.

Дочки-двойняшки скамеек – качели –
 Спят очень плохо, спят еле-еле.

Снится им самый высокий полёт,
 Снится, как небо навстречу плывёт.

Вырастут скоро – наверняка
 Цепи порвут и взлетят в облака!

У мамы и папы четыре ноги.
 Что же они-то сбежать не могли?

Снятся им поле, равнина, река,
 Море и горы, и облака...

Огурец

Что такого в огурце?
 О – в начале, Ц – в конце.
 Только я смотрю, смеюсь,
 На себя за это злюсь.
 Он со мной не говорит,
 Зеленеет и хрустит.
 Зелен он, продолговат
 И тому безумно рад.
 Растопырит он пупырки,
 Распузырит он топырки,
 Растопырки, распузырки
 И лежит как ни при чём,
 Будто речь и не о нём...
 Вроде мир и тишина,
 А внутри-то семена!
 Вот и огрызается –
 С хрустом разгрызается!

Половичок-самолёт

Не везёт мне по жизни что-то.
 Нет у меня ковра-самолёта.

На работу несусь я бегом,
 А с работы тащусь я пешком.

Постелил половик у двери.
 Он коврику-самолёту с родни.

Каждый раз, возвращаясь с дороги,
 Вытираю промокшие ноги.

Может, всё-таки мне повезёт
 И мой ковричек меня подвезёт?

Только вряд ли хоть кто-то захочет
 Тех возить, кто его тихо топчет!

АРБУЗИЯ

Я взял арбуз и ткнул его ножом,
 А он и не подумал обижаться.
 Он улыбнулся мне широким алым ртом
 А я в ответ куснул – не удержался.

Он треснул, как струна звенит в тиши.
 Я чавкал и причмокивал, конечно.
 Мои манеры пусть не хороши,
 Но вот арбуз я выбрал безупречный.

Культурен он, как сто почтенных дам,
 Благонадёжен и в себе уверен.
 Но я... я ни кусочка вам не дам,
 Хоть лопну, но делиться не намерен.

Мы потому притянуты друг к другу,
 Что очень разные на цвет, и вид, и вкус
 По форме он намного ближе к кругу.
 А я совсем ни капли не арбуз.

Вот потому-то я молчать не буду
 И буду отбиваться (сила есть!),
 Когда какому-то взъерошенному чуду
 Захочется меня, простите, съесты!

Крик осени

Я вышел в сад, осенний и пустой,
 И тихий крик нечаянно слышал.
 Как будто кто смеётся надо мной,
 А, может, сам от страха еле дышит.

И сразу очень жутко стало мне.
 Как в том кино, что мама запретила.
 Но неизвестный плакал в тишине.
 И дрожь меня отчаянная била.

Я думал: «Озираться не спеша
 Или бежать – скорей и без оглядки?»
 Пока моя прекрасная душа
 Спускалась вниз и уходила в пятки.

Был вечер неприветлив, тих и мглист,
 Но я предпринял всё-таки разведку
 И друг заметил первый жёлтый лист,
 Который черенком вцепился в ветку.

Вот он-то и кричал так жалобно
 и тонко,
 Пронзительно (на удивление мне),
 С большой тоской, с отчаянием ребёнка
 В осенней безразличной тишине.

Вам может это показаться странным,
 Но первые осенние листы
 В рассветный час унылый и туманный
 Боятся очень падать с высоты.

Вот в октябре листов полно повсюду,
 Ведь листопад практически прошёл,
 И беззаботно можно падать в груды
 И даже в кучу – тоже хорошо.

Вы скажете, такого не бывает,
 Взгляните вниз с балкона, с высоты...
 Вот потому вас честно призываю
 Ловить хотя бы первые листы.

Гипотеза

Если б каждый раз, когда я баловалась
 Мне, к примеру, бусины дарили,
 То через неделю б оказалась
 Эта цепь длиннее штор в квартире.

А потом – пройдёт ещё немного,
 И, змеясь, волнуясь и дрожа,
 Бусины поскачут по порогам,
 Убегут с шестого этажа.

Будут шелестеть и золотиться.
 Отыскав затейливый маршрут,
 Лягут, словно рельсы, до столицы!
 И планету дважды обогнут.

А вот к Солнцу, вам скажу, ребята,
 Им не будет верного пути.
 Я ведь тоже вырасту когда-то,
 Ну, а бусы прекратят расти!

Оправдание

Вчера я видел старичка
 Малюсенького роста.
 Он повзрослеть спешил, пока
 Казалось это просто.

Он повзрослеть спешил, спешил,
 И выглядел серьёзно,
 А вырасти совсем забыл.
 Опомнился, но поздно.

И потому не тороплюсь
 Я никогда ни в чём,
 Что раньше времени боюсь
 Стать дряхлым старичком.

Ослеплённые красотой и роскошью

Знаменитый Юсуповский дворец у многих ассоциируется с убийством Григория Распутина. По этому поводу есть несколько версий. Самой распространённой является та, которую в своих мемуарах описывает Феликс Юсупов, взявший на себя вину за это преступление. В последнее время появился и «английский след»: якобы британская разведка очень хотела внести смуту накануне потрясений в России. Освальд Райнер – оксфордский друг Юсупова и агент спецслужб – в ту ночь приезжал к нему во дворец...

Загляните в подвал Юсуповского дворца на экспозицию, которая рассказывает о смерти Григория Распутина. В комнате с дореволюционным интерьером находятся восковые фигуры всех участников трагедии: Распутина, князя Юсупова и других его соучастников.

Если же говорить о самом дворце, то он поистине впечатляет. Первые постройки появились на этом участке ещё при Петре I: тогда царь подарил землю неподалёку от устья Мойки своей племяннице, царевне Прасковье. В начале XVIII века она отдала небольшой деревянный дворец Семёновскому полку. А когда воинская часть переехала в отдельную слободу, территория стала частью владений графа Шувалова – вельможи при дворе Елизаветы I. В 1770-х его сын Андрей начал перестраивать имение, а после его смерти особняк на Мойке перешёл государству. В 1795 году Екатерина II подарила его графине Александре Браницкой. И только в 1830-м дворец стал собственностью богатого рода Юсуповых. Предыдущая владелица продала его князю Ни-

колаю и княгине Татьяне, а их сын Борис не только обосновался в доме с 1831 года, но и начал активно перестраивать его.

Здание, которое в руках новых владельцев превратилось в огромный и роскошный дворец, стало популярным местом среди знати Санкт-Петербурга. На приёмы и балы в Юсуповском дворце собирались представители самых известных аристократических фамилий, а также члены царской семьи.

После революции семья хозяев дома уехала из Санкт-Петербурга в Крым, а затем – в Англию. Пустующее здание отдали посольству Швеции: благодаря этому удалось сохранить роскошные апартаменты от разграбления.

В 1925 особняк стал Домом культуры, а во время блокады в нём разместился госпиталь. В здание попали несколько снарядов, но целиком его не разрушили. Первый ремонт был сделан в 1946 году, ещё один – в 1960–1970-х. Последнюю реставрацию провели в XXI веке – сейчас

П.И. Шувалов. Фото © WIKIPEDIA

1868 год. Н.Б. Юсупов (младший).
Художник С.К. Зарянко

Феликс Юсупов. Фото © WIKIPEDIA

Место, где утопили Г. Распутина вместе с шубой

Восковые фигуры заговорщиков в подвале дворца

Юсуповский дворец выглядит почти как до революции.

Юсуповский дворец на Мойке ещё при своих последних хозяевах славился фантастической роскошью. На рубеже XIX–XX веков дворец одной из самых знатных семей Северной столицы считался эталоном аристократических интере-

ров. Каждое помещение отличалось по дизайну, обстановке и названию, но во всех чувствовался тонкий вкус, а также баснословное богатство хозяев.

Но больше всего нас поразил домашний театр дворца Юсуповых. Это действительно шедевр. Создавать камерную сцену начали в конце 1850-х, а в конце XIX столетия здесь провели небольшую реконструкцию. Зал вместимостью порядка 180 человек поражает не только изысканным убранством, но и великолепной акустикой. В центре первого яруса находится царская ложа, места в которой занимали хозяева дворца или высокопоставленные гости.

Театр сразу стал центром культурной и светской жизни столицы империи. На постановки собирались сливки общества, в том числе представители императорской семьи. Знаменитости были не только в зале, но и на сцене. У Юсуповых выступали Полина Виардо и Фёдор Шаляпин, балерина Анна Павлова, музицировал Ференц Лист, играл оркестр под управлением Михаила Глинки, блистали солисты петербургских театров.

Известные артисты выступают на сцене Юсуповского дворца и сегодня. Здесь постоянно проводятся спектакли, фестивали и арт-вечера.

Домашний театр. Фото Наталии Елизаровой

Валерий АНИШКИН

Валерий Георгиевич является дипломантом Первого международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» в номинации «Проза», дипломантом международного литературного конкурса «Линия фронта»; финалистом Международного литературного конкурса «Славянская лира», а также призёром Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои великой победы», лауреатом премии им. И.А. Бунина ОРО Союза российских писателей. В 2014 году избирался председателем Орловского регионального отделения СРП. В настоящее время Валерий Георгиевич Анишкин является членом правления ОРО СРП и заместителем председателя организации. Член Союза российских писателей с 2012 года. Награждён медалью Тургенева.

УРОКИ ЖИЗНИ

I

После института я уехал в один из городов Сибири, где устроился в школу учителем английского. Это было спонтанное решение, и руководствовался я больше эмоциями, чем разумом. А виной этому была девушка, которую я любил. Отношения наши развивались сложно, и в один из дней, когда мы в очередной раз поссорились, я, дав волю своему неуравновешенному характеру, собрал чемодан и оказался в поезде, где времени для размышлений оказалось достаточно, чтобы понять опрометчивость своего решения.

До конца учебного года я не доработал. Мне пришлось уйти, чтобы не уволили за то, что я, «поддавшись тлетворному влиянию Запада, использовал методы обучения, которые несовместимы с нашей советской идеологией». Директор Кирилл Михайлович, будучи человеком адекватным и не злым, позволил мне уйти с формулировкой «по собственному желанию» и даже по секрету назвал виновницу всей этой нелепой истории. Это была немка Эльза Германовна, которая когда-то хвалила меня за произношение и за интересное ведение урока. Эльза Германовна время от времени сидела на моих уроках, но я относился к этому, как к естественной в школе практике: учителя посещают уроки друг друга с целью обмена опытом. Я тоже пару раз присутствовал на уроках Эльзы Германовны, правда, мне и в голову не могло прийти, чтобы обличать её в том, что не соответствовало моим представлениям о её методах преподавания, а вот Эльза Германовна взяла, да и написала на меня донос в РОНО.

Меня не удивило, когда ко мне на урок пару раз зашёл директор школы, но насторожило, когда на уроке появилась инспектор РОНО, худая невысокая женщина со строгим озабоченным лицом и в строгом чёрном костюме, состоящим из юбки ниже колен и жакета, застёгнутого на все пуговицы. Она села на свободное место за последнюю парту, во время урока что-то непрерывно писала и ушла, не сказав ни слова. Хотя директор и предупредил меня об инспекторе, это внимание ко мне было непонятно, и я терялся в догадках, с чего это вдруг моей персоной заинтересовался РОНО.

– Кирилл Михалыч, а чего РОНО ко мне-то? – спросил я.

– Да белиберда какая-то, – отмахнулся директор и заспешил в свой кабинет...

Разъяснилось всё вскоре. После урока меня вызвали к директору. В кабинете сидела инспектор РОНО. Я вошёл и ждал, что меня пригласят присесть, но инспекторша лишь попросила подойти поближе, и я стоял, невольно чувствуя себя провинившимся школьником, изображая картину художника Григорьева, где прорабатывают двоечника на комсомольском собрании.

– Изучая иностранные языки, ученики должны быть изолированы от тлетворного буржуазного влияния, чтобы у них не развивалось низкопоклонства перед Западом, – строго начала инспекторша, обращая ко мне. Остановилась, посмотрела на директора. Тот согласно закивал. Инспекторша снова повернулась ко мне, выдержала паузу и спросила в упор:

– Вы с этим согласны?

– Конечно, – ответил я.

– А зачем же вы включаете в свою программу стопики про то, как хорошо живётся студентам в Англии и в Америке, и вообще рассказываете небылицы из истории и культуры этих стран. Это же прямой подрыв нашего социалистического уклада.

Слова про подрыв социалистического уклада меня насторожили.

– Извините, – не выдержал я. – После этих слов меня можно прямо из этого кабинета в ГУЛАГ отправлять.

– Ну, зачем вы так-то уж? – смутилась инспекторша.

– Да вы же меня только что обвинили в антисоветской деятельности.

– Никто вас в антисоветской деятельности не обвиняет, – нервно сказала инспекторша. – Но моя обязанность как представителя РОНО указать на отступление от методики преподавания. Вы слишком свободно ведёте уроки.

– А я не вижу ничего плохого в том, что даю своим ученикам темы, которые, кстати, называются топики (*Топик (ENGLISH TOPICS) – это тексты или сочинения на различные темы, состоящие из 10-15 предложений на английском языке.*), а не стопики, на темы жизни в стране, язык которой они изучают, – я чувствовал, что начинаю хамить, но меня выводил из себя этот её непререкаемый тон и полная уверенность в беспорности своей истины. – Моя цель как учителя научить ученика разговорному иностранному языку. А как это сделать, если лишить его возможности наблюдать жизнь чужой страны хотя бы через фотографии, через рассказы об этой стране?

– Топики или стопики – не это важно, – не моргнула глазом инспекторша. – Вы должны задать учащемуся верное отношение к чужому миру, научить его через освоение другого языка соблюдать границу между «низкопоклонством» и «пренебрежением». А у вас сквозит какая-то странная любовь к англоязычному.

Я понял, что бесполезно доказывать то, что доказать невозможно и попробовал зайти с другого конца.

– В статье «К вопросу о задачах Рабкрин, их понимании и их исполнении», – сказал я. – Ленин писал: «Задача Рабоче-крестьянской инспекции – не только и даже не столько «ловить», «изобличить», сколько уметь поправить...»

– Я понимаю, что вы образованный молодой человек, – сказала с сарказмом инспекторша, – но я вас удивлю. Я тоже читала эту выдающуюся работу Владимира Ильича. Если вы помните, там ещё сказано, что в задачу инспекторских проверок входит определение эффективности и оценка деятельности школы, её руководителей и педагогического коллектива, выявление недостатков и установление путей их устранения.

Инспекторша была подкованной тёткой, из тех, кого голыми руками не возьмёшь. И я смирился, признав её преимущество в идеологической борьбе, потому что за её идеологией стояла вся страна, а за моей – мелкобуржуазный уклон.

– И как же вы будете устранять недостатки, которые видите в моей работе? – спросил я ехидно.

– Мы указали на недопустимость методов, которые вы применяете в процессе обучения, а ваша задача принять к сведению наши замечания и изменить своё отношение к предмету. Так что устранять недостатки вы будете сами. Пока мы ставим вам на вид, ну, а если к нам поступят ещё сигналы, примем более строгие меры.

– Уволите?

– А вы сомневаетесь? – жёстко возразила инспекторша. – Мы же не можем допустить анархию в преподавании. Существуют реальные школьные программы по изучению иностранного языка, призванные формировать в сознании учеников правильный взгляд на иностранный образ жизни, который не должен стать для советского школьника источником соблазна... Кстати, у вас уже был неприятный инцидент с учеником шестого класса.

Этого я вообще не ожидал. Мне казалось, что случай с учеником, о котором говорила инспекторша, не вышел за пределы школы и давно забыт. Тем более, что я с парнем дополнительно занимался английским и, сочувствуя сиротскому детству и обещанию его матери присмотреть за сыном, всячески опекал, да и вообще претензий ко мне ни со стороны учителей, ни со стороны матери, которая искренне благодарилась «за науку», выразившуюся в небольшой трёпке, не было.

В том, что теперь меня в любой момент можно уволить, я не сомневался, как не сомневался и в том, что нет никакой гарантии, что та же немка Эльза Германовна не отправит ещё один донос. А потому решил не дразнить судьбу и уволиться сам, прежде чем это сделает РОНО.

– Владимир Юрьевич, – сказал директор, положив ладонь на моё заявление, – что это за мальчишество? Да мало ли к нам претензий от вышестоящего начальства бывает! Что ж теперь: и мне увольняться? Вы не горячитесь, подумайте ещё, а потом поговорим. Лично у меня к вам претензий нет. И коллектив вас уважает... Ну оставьте вы эти свои топики, как они там у вас называются, да и дело с концом.

– Спасибо, Кирилл Михалыч, – но дело даже не в гороне, хотя и в этом тоже... Мне нужно домой. Знаете, мать стала сниться, дом... Личные дела нужно решить... Да и не могу я поступиться своими принципами. Методику преподавания, которую предлагают мне, я не приемлю... Но скажу больше, я не чувствую в себе таланта педагога. Я это начал понимать, когда учил детей там, у себя, а сейчас окончательно пришёл к выводу, что это не моё.

– Голубчик, Владимир Юрьевич, вы просто на себя наговариваете. Я же сидел на ваших уроках. Всё у вас так. И дети вас слушаются...

– Намекаете на Стёпочкина? – усмехнулся я.

– Да что вы, что вы, – замахал руками Кирилл Михайлович, – упаси Бог. – Непедагогично, конечно, но, как говорить, всё что делается – к лучшему. Стёпочкина теперь не узнать. Стараются, все двойки поисправил. Так это же тоже ваша заслуга. Так что, мой совет, учительство вам бросать нельзя ни в коем случае...

Директор заявление всё же подписал, хотя просил доработать хотя бы до конца мая, когда у младших классов начнутся каникулы, но это не стало проблемой, потому что на это время меня согласилась заменить та же Эльза Германовна, с чем директор в конце концов и согласился.

II

Остаться в школе я не мог, но уехать и появиться дома, когда в школах ещё продолжались уроки, я тоже считал для себя невозможным, потому что пришлось бы объяснять не только матери, но и знакомым, с чего это я приехал прежде, чем закончился учебный год, и не проштрафился ли я в чём-либо...

Но я всё чаще думал о доме, и меня стала одолевать тоска, которая съедала душу и угнетала психику. Я страдал от одиночества и от той тоски по любви, которая живёт в нас всегда, но проявляется вдруг с особенной и непонятной силой. Я решил освободиться от груза неудобных и потому лишних для меня здесь связей, в том числе отрешиться от всякой напрягающей мозг работы, ничего не писать, ничего не читать и нагрузить своё тело, которое с точки зрения христианской морали является нижней частью моего существа, хотя другие святые отцы утверждают, что человеческое тело, как и душа, – суть художественное изделие, физической работой, утомить себя, и я всё чаще думал о той, кто мне на расстоянии оказался большим, чем я представлял. Я любил Милу и мысли о ней становились навязчивыми и занимали всё моё сознание. И только один вопрос не давал мне покоя: осталось ли в ней хоть что-то от взаимного чувства ко мне... И для сомнений были основания, потому что я не получил ни одного ответа на те, пусть и редкие письма, которые писал ей...

На кирпичном заводе, куда я устроился, любые рабочие руки в связи с текучкой кадров были в дефиците, и я без труда получил общежитие. Комендантша, строгая женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и гребешком в волосах, с отсутствием даже лёгкого намёка на макияж и в совершенно простой одежде в виде чёрной длинной юбки и синей шерстяной кофты на пуговицах, указала мне на две свободные кровати в просторной, но пустой комнате на четверых: кроме четырёх кроватей с тумбочками, облезлого шкафа, да стола с двумя стульями, больше ничего не было, как и в общежитии строительно-монтажного управления.

– А кто здесь ещё живёт? – спросил я больше для приличия, чтобы как-то завязать разговор.

– Татарин да хохол, – сухо ответила комендантша, и видно было, что она не расположена к разговору. – Придут – увидишь. И что б мне никаких пьянок и никаких баб, – строго заключила она и вышла.

После работы один за другим пришли оба жильца.

– Новенький? – сказал высокий, сухой и жилистый малый, конопатый, с неприятными чертами лица и беспокойными мышинными глазками. – Чтой-то ти на рабочего не

схожий... Мабуть мамин синачок? – Ничого, завтра ти побачиш, почому фунт нашого лиха.

– Микола, что ты к человеку цепляешься? – осадил Миколу другой жилец, татарин, которого назвала комендантша наряду с хохлом.

– Я Сабан, – протянул мне руку татарин, белозубо улыбаясь.

– Сабан? – вырвалось у меня при имени, которое показалось мне необычным.

– Так называли у нас того, кто родился во время пахоты.

– Вот ти и пашешь як лошадь и все життя пахать будешь, – желчно откликнулся Микола.

Микола иногда мешал украинские слова с русскими и злостовал без всякой причины. Злостовал просто по своей мелкой сущности. Я сразу понял, что это дрянный человек, его нужно опасаться и держаться от него подальше.

– Ну и злой же ты... как собака, – лениво сказал Сабан, и это вызвало взрыв агрессии у Микола.

– Що, татарин, давно не били? – вспыхнул Микола и уже готов был кинуться на Сабана, но встретился со мной взглядом, обмяк, глаза его потухли, и он остановился, словно споткнулся, и стоял, как вкопанный.

– Иди на место! – приказал я, и Микола покорно развернулся и пошел к своей кровати. Он сел и оставался в этой позе всё время, пока я говорил с Сабаном, который был сбит с толку моим вдруг изменившимся резким тоном, ничего не понял, но отвечал на простые вопросы как-то настороженно. Я ругнул себя за неосторожность, которая могла мне навредить, но никак не мог допустить мордобоя в первый же день моего нахождения в общежитии, да и не хотел я, чтобы симпатичного татарина ни с того, ни с сего бил жилистый Микола.

– У вас в общежитии, наверно, часто драки бывают? – спросил я Сабана.

– А как пьянка, так и драка, а пьют почти что каждый день. – А бывает, из-за баб. У нас на заводе почти одни бабы работают.

– Ты-то ведь не пьешь, – сказал я.

– Почему не пью? Пью. Только немного. Не люблю пьяных. Пьяные как свиньи.

– А как же шариат? Шариат запрещает мусульманам пить алкоголь.

– Да, запрещает. Но немногие соблюдают запрет. Разве что только истинные масульмане... Не знаю. У нас все религиозные праздники, не говоря о Курбан-байраме, всегда отмечались с водкой. У нас говорят, «сто грамм – не харам». (*Харам, харамный (араб.) – в шириате – запретные действия и деяния, являющиеся наиболее греховными. Противоположностью харамного является халяльное.*)

И словно оправдывая татар, Сабан добавил:

– Но мы не курим и не едим свинины.

Известно, что одной из российских проблем всегда было пьянство, но я не знал, что эта привычка не обошла стороной и татар. Невольно вспомнился просветитель Каюм Насыри, который, соглашаясь с утверждениями некоторых докторов, сначала тоже считал, что алкоголь в небольших дозах перед едой полезен, а потом стал категорическим противником выпивок независимо от дозы и призывал татар вовсе отказаться от этого. Очевидно, философа тоже обе-

спокойно распространение пьянства среди его соотечественников...

Всё это время Микола тупо сидел на кровати. Я, наконец, подошел к нему, дотронулся до плеча и вывел из ступора, в котором он находился. По-моему, он тоже ничего не понял, и это позволило мне избежать ненужных вопросов.

Спать здесь ложились рано, потому что рано вставали. Сабит с Миколой быстро уснули, а я всё ещё ворочался, привыкая к новому месту.

В эту ночь мне снилась Мила и наша с ней романтическая ночь, когда мы не могли наговориться, и которая закончилась на травяном ложе среди густых зарослей кустов, лип с роскошными кронами и берёз, укрывших нас свисавшими почти до земли своими кудрявыми ветками у стен старого монастыря. И я во сне ощутил ту редкую благодать, которая вызывает слёзы радости и невыразимого счастья. А в ушах звучала фраза: «Я буду ждать тебя. Я буду ждать тебя, сколько бы ни прошло времени, я буду ждать даже, если ты не захочешь вернуться» ...

Утром я вышел на работу. И в первый же день Микола стал изо всех сил стараться, чтобы я «побачил», почём фунт лиха.

Процесс изготовления кирпича в общем прост и примитивен, но требует силы и выносливости. Это тяжёлая работа.

Всё начинается с глиняного карьера, который часто находится почти рядом с цехом по производству кирпича. Экскаватор загружает глиняной породой самосвалы или вагонетки-думпкары. (*Думпкар – Вагон-самосвал (думпкар) Думпкар – грузовой вагон для перевозки и автоматизированной выгрузки вскрышных пород, угольно-рудных грузов, грунта, песка, щебня и других подобных грузов.*) Вагонетки с помощью дрезины подаются в цех по производству кирпича и сыпаются в приёмный бункер. Из бункера глина по транспортёру идёт на конвейер, просеивается, проходит другие подготовительные работы и в итоге попадает в пресс. Выходящая из пресса глиняная прямоугольная «колбаса» нарезается специальным струнным резаком на кирпичи. Кирпич-сырец сначала раскладывается на стеллажах для сушки, а затем обжигается в простой земляной печи.

Всем этим занимались женщины, которых на заводе работало большинство. Вагонетки между цехами толкали тоже женщины. Моя задача заключалась в том, чтобы принять поддоны с готовой продукцией с вагонетки на свою платформу, отвезти и выгрузить на месте складирования.

Микола не поленился встать на приёмку кирпича вместо женщины, которая обычно работала на этой операции и, привычный к такой работе, стал гонять кирпич из цеха обжиги с такой скоростью, что я, ещё не выработавший определённой сноровки, не успевал вернуться с пустой вагонеткой, а он уже стоял с новой партией кирпича и матерился, подгоняя меня.

– Швидше, швидше! – орал он. – Це тобі не вдома у мамки, тудыт-растудыт твою...

И он кривил губы в злой усмешке. Женщину, место которой он занял на приёмке, он приставил ко мне, и она помогала принимать кирпич, но гонял вагонетку на выгрузку я один. Я старался не обращать внимания на Миколу и, молча, стиснув зубы, толкал вагонетку с кирпичом до ме-

ста складирования и пустую обратно. Обратно я старался идти помедленнее, но Микола подгонял меня, не стесняясь в выражениях. На крепкие слова женщина не реагировала, потому что здесь мужики, как я заметил, все как на подбор без мата слова выговорить не умели, но, видя, как мне всё тяжелее даётся работа, не вытерпела и сказала:

– Что ж ты, чёрт, измываешься-то?.. Дай парню передых. Дай привыкнуть. Он же новенький, не привыкший ещё.

– Жалислива знайшлася! – осклабился в улыбке Микола, но темп чуть сбавил.

До перерыва я дотерпел. Нашёл угол подалеже от глаз, сел на кирпичи. Руки дрожали, а ноги гудели, и я боялся, что потом не встану. Глаз задержался на плакате, заключённом в рамочку, который висел на кирпичной стене напротив: «Строители! Развернём соревнование за досрочный ввод объектов второго года семилетки». Тепло от ещё горячего кирпича разморило, и я чуть задремал.

– Эй, спишь, что ли? – раздался надо мной голос.

Я открыл глаза и увидел лицо напарницы, которая склонилась надо мной.

– Чего молоко не берёшь? Нам за вредность полагается. Я тебе взяла.

И она протянула мне бутылку молока и половину батона, который разломилась. Я взял молоко, и стал отказываться от батона.

– Бери, бери, – строго сказала напарница. – Тебе поесть нужно, а то до конца смены не дотянешь... Я с тобой посижу?

И она села на кирпичи напротив, хотя я не успел даже кивнуть в знак согласия.

– Меня зовут Вера, – назвалась она.

– Владимир, – представился я.

– Ты, Вов, на Миколу не обращай внимания. Он всегда орёт, по делу и без дела. В общем, как говорится, «не дурак, а родом так». Среди людей живёт, а людей не любит.

– Всякий родится, да не всякий в люди годится, – я с трудом изобразил улыбку.

– Во-во, – засмеялась Вера.

На вид она выглядела лет на сорок-сорок пять, но я мог и ошибиться. Женщины на таких работах старились быстро, это я заметил и на трубоукладке, хотя работа на кирпичном заводе не шла ни в какое сравнение с той. Но, с другой стороны, если представить зимний период, то и на трубоукладке работа не мёд.

– А вы давно здесь работаете? – поинтересовался я.

– Да лет пять работаю... Только ты мне не выкай. Мы к этому непривычны, – с улыбкой сказала она, и лицо её как-то стало моложе.

Одета она была по-рабочему непритязательно: ситцевое платье в цветочек поверх синих спортивных штанов, растянутая вигоновая кофта, грубые кирзовые ботинки; голову покрывала туго повязанная косынка. Весь этот «наряд» завершал клеёнчатый фартук. Примерно также одевались и другие работницы, только вместо ботинок у некоторых на ногах были сапоги или туфли на низком ходу.

– Тяжело женщине кирпичи-то таскать, – посочувствовал я.

– Всем тяжело... Здесь заработок хороший, а у меня двое. Одному шесть, другой десять... да мать.

– А муж?

– Обьелся груш... К другой ушёл... Все вы, мужики, ненадёжные. Лучше уж одной.

– Алименты платит?

– Да ну, слёзы. И то через пень колода... Да у него и от той уже двое... С чего платить?.. Да Бог с ним...

Она чуть помолчала, потом спросила.

– Ты-то, видать, не из простых.

– Я учитель. Только, если ты имеешь ввиду происхождения, то из самых что ни на есть простых. Отец несколько лет как умер, а мать снова вышла замуж, – приоткрылся я.

– Учитель, а чего ж на заводе?

– Да я только до лета, подработаю чуть и уйду...

На этом наш разговор и закончился.

До вечера я доработал с трудом и к концу смены ничего не соображал, тупо толкал вагонетки, упиравшись в землю ватными ногами. Микола уже не орал, только довольно посмеивался, видя мои жалкие потуги в борьбе с гружёной вагонеткой.

Я добрался до своей кровати и завалился, как был, в одежде. Только сбросил туфли и снял рабочий халат, который мне выдали для работы. Уснул я сразу и с трудом разлепил глаза, когда меня стал трясти за плечо Сабан.

– Иди есть и пить чай. Потом спать пойдёшь, – приказал Сабан.

– Не хочу, завтра поем, – стал отказываться я, но Сабан не отстал, и я притащил своё непослушное тело к столу, вынув из тумбочки ливерную колбасу, хлеб и сахар, купленные после того, как заселился в общежитие.

На столе стоял чайник с кипятком, на газете лежал нарезанный хлеб и колбаса, только это была не ливерная, а самая настоящая варёная колбаса. Однако тёмно-красный, почти бурый цвет её заставил вспомнить Алекпера, который угощал картошкой с мясом, нечастым в меню нашего детства, и организм одного нашего товарища не выдержал необычного для русского продукта, и он, зажав рот, опрометью выскочил на улицу.

– Конская? – спросил я Самана, показывая на колбасу.

– Конская. Это я у своих беру. А что?

– Да нет, нормально. Просто вспомнил детство.

И я рассказал эту историю Саману, на что он пожал плечами и сказал:

– Не знаю, мясо как мясо. Да уж лучше свиньи, которая жрёт что попало.

– А где Микола? – спросил я.

– К своей бабе пошёл, – равнодушно ответил Сабан.

Следующий день я проспал до полудня, благо, что по графику попадал в ночную смену. Спал я так, что не слышал, как встал и ушёл на работу Сабан, а потом куда-то Микола, который тоже выходил на работу в ночь.

Тело ломило, и все мышцы болели, будто меня весь день трепали, как зерно на обмолоте, цепями.

Но теперь мне трудно далась разве что первая вагонетка. А дальше пошло живее, и в конце смены я уже не ощущал вчерашнего состояния, когда мне казалось, что это предел всех моих сил и хотелось лечь и умереть.

Микола всё ещё пытался куражиться надо мной, но я молча принимал кирпич и упрямо толкал вагонетку на разгрузку. И он, видя, что я упрям и не ломаюсь, как-то потерял ко мне интерес, а после перерыва отправил Веру назад на приёмку и исчез из поля моего зрения. Мужики, в отличие от женщин, занимались управлением машинами и механизмами, а также их починкой, а другие укладывали рельсовые пути...

Я втянулся и работал так же, как остальные. Я слился со всеми, и меня перестали замечать...

Валентина НОВОШИНСКАЯ

Это сладкое слово - свобода

Журналист Валентина Новошинская, знакомая читателям по публикациям в еженедельниках "Просторы России", "Говорит и показывает Орёл", "Орловская городская газета", а также в журналах "Новый Орёл" и "Орловская сударыня", подготовила к печати свою автобиографическую книгу "Без черновика", главу из которой мы предлагаем сегодня. Она посвящена времени работы автора в журнале "Новый Орёл".

...В конце XX века я набиралась опыта работы в частном издании, вверив судьбу своему терпеливому ангелу-хранителю и новому работодателю – Геннадию Майорову.

Его издательство "3-е ИЮЛЯ" выпускало просветительские и рекламные буклеты и справочники, остро-социальную газету "Живая мишень" и спортивную – "Русские горки", а также ежемесячный журнал "Новый Орёл". Годом раньше Геннадий Николаевич презентовал журналистам и пилотный номер первого в регионе издания для женщин – глянцевою "Орловскую сударыню". Стать редактором этого журнала и предложил мне Майоров, пообещав полный карт-бланш. В одном флаконе я в одночасье получила невиданную творческую свободу и незнакомую прежде проблему "добывания" денег: издание журнала планировалось только на спонсорские средства и деньги от рекламы. При этом спонсоров нужно было искать самой, коммерческий директор в штате издательства предусмотрен не был.

Признаюсь сразу: я в состоянии была выпускать журнал не поквартально, как планировал издатель, а ежемесячно – хватало и героинь, и сюжетов, и актуальных тем, и авторов. Но искать деньги?! Эта часть моей работы, ничего общего не имеющая с творчеством, была мне совершенно чужда, поэтому за три года я сумела добыть денег только на семь номеров. Каждый – это череда хождений "с протянутой рукой" к рекламодателям и состоятельным горожанам: к началу 2010-х годов по официальным данным в регионе уже насчитывалось около тысячи рублёвых миллионеров, но, Боже мой, какая это была мука – идти на поклон к богатым!

– Ну разве таких присылают за рекламными деньгами? – мягко попеняли мне в одном роскошно обставленном кабинете. – Настоящего рекламщика гонишь в дверь, а он в окно лезет, требуешь от секретарши больше не соединять – он домашний телефон всеми неправдами раздобудет... И в конце концов так достанет, что согласишься на его предложение, лишь бы впредь не видеть и не слышать. В этом деле нужно быть настоящим журналюгой!..

Увы, я такой не была и не стала. Правда, меня впускали в уважаемые приёмные и даже не гнали, узнав о цели визита, но и с деньгами расставаться не торопились: в качестве жеток для жалоб на то, как трудно живётся орловским предпринимателям, я в те три года наслушалась вдоволь. Да, богатые тоже плачут. Оказалось, что деньги, карьера и власть – далеко не всегда гаранты счастья и душевной гармонии. Мне тогда довелось общаться и с теми, кто был успешен, но страдал депрессией, комплексовал по разным поводам, не скрывал разочарования в жизни... И состоятельные, с виду такие благополучные собеседники нуждались в терпеливом слушателе, рассчитывали на участие и сострадание. Конечно, были кабинеты, где без излишнего душевного стриптиза принимали предложения на имиджевые статьи и даже перечисляли немного сверх просимой суммы. Увы, крайне редко...

Как и многие отечественные издания в постперестроеч-

ное время, журнал "Орловская сударыня" был безгонорарным, поэтому большинство текстов для 34 страниц формата А4 приходилось писать самой, хулиганя с псевдонимами. Помогали безвозмездно коллеги, остались верные внештатные корреспонденты, которых мы благодарили бесплатными номерами журнала. Но из-за скудного бюджета лишних всегда было мало: номера "Орловской сударыни" быстро разбирались в киосках и редакции; в каждом было много качественных фотографий наших горожанок, публиковали мы и семейные фото, и женские истории, обязательно представляли и литературное творчество наших читателей. Но самое главное: журнал знакомил с почти исповедальными рассказами известных женщин Орла, представлял их неофициальные портреты, раскрывал с малознакомой стороны. Я помнила слова Валерия Брюсова "Ты – женщина, ты – книга между книг", и старалась показать своих героинь во всех их ипостасях: дочери, жены, матери, творца, специалиста...

Запомнились благодарные отклики читателей и комплименты коллег на интервью главы Северного района Лидии Кирдеевой. Она в частности рассказала, что когда не стало матери, а отец после операции превратился в инвалида-колясочника, двенадцать взрослых детей так распределили свои отпуска, что обеспечили старику круглогодичную сменяющуюся "вахту", продлив ему жизнь ещё на полтора десятка лет. Наверное, все они устали, но какой пример заботы о престарелом родителе показали своим детям! Меня этот рассказ впечатлил сильно. Как и беседа с заместителем главы городской администрации Людмилой Сальниковой, директором областного краеведческого музея Валентиной Титовой, певицей и педагогом Таисией Казариной, генеральным директором ООО "Орёлрегионгаз", депутатом облсовета Ларисой Удаловой. Заметили наши читатели и статьи о заслуженной артистке России Марине Соколовой, педагоге и общественном деятеле Пайцар Даниелян, хореографе из Корсаково Маргарите Бейниковой, народном мастере-кружевнице из Мценска Нине Савенковой, учителе математики, фронтовичке Лидии Горянчиковой, режиссёре и педагоге института культуры Наталье Жуковой... А как выпрашивали номер, в котором весь центральный разворот мы посвятили супружеским парам – артистам ОГАТ! Чудесные их фото нам предложил известный орловский фотохудожник Сергей Чупахин, я написала под каждым тексты, объединив их темой "Театр, семья, любовь". Получилось нарядно и красиво: хоть в рамке на стену, хоть в календарь...

Привлекательный дизайн журнала обеспечивал прекрасный художник и человек Аркадий Полевой, он же макетировал и "Новый Орёл" – тоже многоцветный глянец. Этот выходил ежемесячно и мои тексты в них присутствовали обязательно. Расскажу историю только одной, самой памятной публикации, подарившей мне и "дальнюю дорогу", и массу впечатлений, и несколько интересных встреч.

В конце февраля 2009 года в Орловской области произо-

13 января 2017 г. Бал прессы

17 октября 2014 г. 95 лет Союзу журналистов Орловщины

4 сентября 2009 г. Чествование в обл администрации

19 января 2018 г. Бал прессы

20 мая 2010 г.

шла смена губернатора, и населению был представлен Александр Козлов. Мы в редакции журнала "Новый Орёл" познакомились с его краткой официальной биографией и обратили внимание на такой факт: в мае новому главе исполнится 60 лет. По этому случаю решили представить орловцам более полный его портрет.

Я "погуглила" интернет в поисках дополнительной информации, нашла сайт районной администрации посёлка Верхний Услон, малой родины нового главы региона – и взялась за телефонную трубку... К концу дня в моём блокноте значились несколько контактов, подробное объяснение, как доехать до Казани, и домашний телефон бывшего редактора местной районки, однофамилицы Александра Петровича.

– Твоя идея – тебе и ехать, – Майоров достал из своего бумажника единственную крупную купюру: – Постарайся уложиться в пять тысяч и в пять дней, а материала привези на два номера журнала...

...Римма Сергеевна Козлова оказалась не просто однофамилицей, но родственницей нашего главы; радушно меня приютила и, как журналист и краевед, много рассказала о районе и его людях. Мы с ней побывали в краеведческом музее, в музыкальной и художественной школах, полюбовались с высокого берега ещё закованной в лёд Волги на казанский Кремль с его архитектурными достопримечательностями, оценили прекрасный ремонт залов спортивного центра. Татарстан уже готовился принять Всемирную универсиаду-2011, поэтому приводилась в порядок вся спортивная база республики, а новые объекты строились по мировым стандартам. В районной администрации нам выделили транспорт, так что удалось и окрестности посмотреть, и со всеми нужными людьми поговорить: одноклассниками, сотрудниками сельсовета и администрации. Римма даже свела меня с братом Козлова – малоприветливым управляющим местного банка. Он поначалу решительно отказывался от встречи, не веря, что журналистка из Орла ехала в такую даль не за компроматом, а за добрыми словами о родственнике. Но если встреча началась с грубой ругани хозяина кабинета, то завершилась вполне миролюбивым чаепитием.

А ещё моя коллега устроила мне телефонное интервью с Алексеем Манониным, бывшим главой района и первым секретарём райкома, близким знакомым Козлова по совместной работе в Совете министров Татарии. Алексей Алексеевич оказался нашим земляком, уроженцем села Жердево Новосильского района, не потерявшим связей с малой родиной. Несколько минут мы с ним очень мило пообщались.

Словом, воспоминаний, мнений, впечатлений, а также современных и архивных фотографий набралось на два номера журнала "Новый Орёл", и первый материал вышел как раз к юбилею губернатора. Воспользовавшись тем, что на гербе Верхнего Услона изображён сокол, я решила, что для статьи будет уместным такой заголовок: "Сокол – птица разумная, орлиному гнезду не навредит". Через пару лет коллега из "Орловской правды" скажет мне:

– Валентина, я так верил вам, так вдохновился удачным заголовком и текстом в целом, а вы нас всех обманули!

И сообщит, что по рейтингу эффективности, обнародованному газетой «Известия», орловский глава занимает 74-е место из 80 губернаторов... Но это, повторяю, будет гораздо позже, когда мы все поймём, как сильно обманулись в своих ожиданиях, когда в очередной раз с горечью убедимся, что "опять пустые разговоры, с концами не свести концы: нас учат честной жизни воры и благородству – подлецы". А тогда, в кон-

це апреля 2009 года, мы жили в надежде, что поднимать экономику Орловщины прибыла команда грамотных и честных управленцев, которые готовы взять на себя решение хотя бы части хронических проблем региона. На публикацию журнала обратили внимание и в областной администрации, откуда у нас попросили 50 номеров и потом ещё не раз звонили с просьбой о "лишнем" номере. Более того, предложили подготовить интервью с новыми людьми в областном правительстве – обоими заместителями нового губернатора.

Где-то в середине мая к нам в издательство зашёл мужчина с большой коробкой конфет. Я сразу узнала его по фотографии в своей статье из Татарии: это был Алексей Манонин, приехавший из Казани в Орёл по личным делам. Поблагодарил за статью в целом, за то, что, получив довольно сумбурную информацию по телефону, я ничего не напутала в его прямой речи. Слушая его, предположила, что он пролистал журнал в Верхнем Услоне, куда мы послали несколько номеров в благодарность за помощь, но, оказалось, что прочитал статью на приёме нашего губернатора в одном из московских ресторанов: юбиляр одаривал этим номером "Нового Орла" своих гостей.

– А как глава региона отблагодарил вас за такую хорошую публикацию? – между делом спросил за чаем с подаренными конфетами казанский гость. – Предложил какую-то помощь журналу, рекомендовал его страницы серьёзным рекламодателям, подарил редакции что-то из техники?

Мы с Майоровым недоумённо переглянулись: оба придерживались хрестоматийной мудрости "Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь". Признались, что даже мысли такой не было – выживать какую-либо выгоду из ситуации.

– Не были представлены и никогда не разговаривали с ним, – ответила я за всех, чем сильно удивила Алексея Алексеевича.

– Странно... В Татарстане труд журналистов уважают и ценят куда больше...

А лицезреть губернатора вблизи мне случилось только раз: в январе 2014 года, незадолго до очередной ротации региональной власти. В День российской печати Козлов вручал мне Почётную грамоту областной администрации и, глянув на текст бумаги, задумчиво произнёс:

– Где-то я уже слышал вашу фамилию...

Бог с ними, правителями-временщиками. Успех журнала "Новый Орёл" держался не на здравницах в их честь. С конкретными деловыми предложениями у нас выступали серьёзные предприниматели, руководители успешных предприятий разных форм собственности делились своим опытом, мы рассказывали о значимых событиях и лучших людях региона, а буквально каждый номер открывался острым эссе редактора, вызывавшим недовольный окрик с площади Ленина или Пролетарской горы. Поскольку Геннадий Николаевич смолodu не числился среди пугливых, то продолжал гнуть свою линию, методично добиваясь от чиновников исправления ошибок и промахов.

Сын офицера-фронтовика, он никогда не прислуживал властям: его яркие критические материалы в газете "Орловский комсомолец", на областном телевидении, в федеральном издании "Советский спорт", где он десять лет проработал собственным корреспондентом по нескольким областям ЦФО, его проблемные статьи в "Новом Орле" не раз заставляли чиновников приподнимать с мягких кресел свои "авторитеты" и исправлять положение дел, поминая недобрым словом "неудобного писаку". Таких публикаций было немало, но главной

Май 2013 Визит в г. Кричев (Белоруссия)

31 июля 2015 г. Открытие сквера Артиллеристов

5 мая 2021 года

Субботник в сквере Артиллеристов

в журналистской профессии Майорова стала знакомая ему и близкая с детства тема народного героизма. Она началась с воспоминаний отца, а с годами из серьёзных журналистских расследований, посвящённых военным событиям и фронтовикам, он собрал несколько книг; некоторые из них легли в основу сценариев документальных лент. По некоторым темам Майоров в одиночку выполнил работу целых отделов военных НИИ – так много документов и первоисточников сумел разыскать и использовать в своих публикациях. Премии Орловского комсомола, журнала «Молодая гвардия», имени И.С. Тургенева – это у него как раз за масштаб и глубину поисков, за верность теме, за действенный патриотизм самой высокой пробы.

Даже уйдя на "вольные хлеба" и став владельцем издательства, Майоров продолжал вести активную общественную работу среди членов областного Союза журналистов: много лет он возглавлял наш спортивный клуб "Репортёр". Сотрудники городских и районных СМИ в те годы регулярно устраивали выездные мероприятия с самыми разными спортивными состязаниями, которые Геннадий Николаевич организовывал для журналистов всех возрастов.

В 2008 году мы избрали его председателем Орловского Союза журналистов и на этом посту в тандеме с Галиной Ефимовной Петровой он более 15 лет успешно продолжал и развивал лучшие традиции объединения и пополнения наших профессиональных рядов, заложенные Анатолием Сергеевичем Кононыгиным. Вот навскидку лишь несколько общих мероприятий, оставшихся в памяти многих наших коллег. Ежегодные спартакиады и балы прессы с награждением журналистов-победителей творческих конкурсов; социальный проект "Малая родина: перспективы развития", в рамках которого журналисты десантом "высаживались" в разных районах области (Болховский, Ливенский, Новодеревеньковский, Хотынецкий, Должанский) и всесторонне освещали их жизнь в своих СМИ; чествование журналистских династий; авторские выставки лучших фотокорреспондентов и фотомастеров; десять выездных образовательных слётов молодых журналистов; встречи ветеранов орловской прессы; совместное участие с коллегами из Курска и Белгорода в экологических проектах Курчатовской АС

Среди бесспорных организаторских удач Майорова – журналиста и патриота – открытие в 2015 году сквера Артиллеристов в Орле, над которым наш Союз шефствует со дня установки памятного обелиска. Добиться разрешения на "материализацию" этой инициативы было гораздо сложнее, чем достать в мирное время пушку, но у него всё получилось. Геннадий Николаевич считал своим нравственным долгом увековечить память единственного в истории войны женского артиллерийского противотанкового расчёта, успевшего за 12 дней боёв на орловской земле подбить четыре танка неприятеля, и нашего земляка артиллериста Николая Сиротинина, ценой своей жизни на несколько часов задержавшего продвижение вражеских танков по белорусской земле.

Получился у него и проект "Культ двора". Наверное, более предприимчивый человек запатентовал бы эту великолепную идею или, на худой конец, затребовал у властей достойного гонорара за неё, мы же – актив Союза журналистов – вместе со своим руководителем на голом энтузиазме за три сезона летних и зимних каникул провели для орловской детворы около полусотни массовых спортивных мероприятий во всех административных районах города и дюжине сельских.

Об этом проекте стоит сказать особо. Несколько довоен-

Е.И. Поголевский проводит праздник «Физкульт-урат!»

18 декабря 2015 г. В Жилинской школе

2008 г. Спартакиада журналистов в пансионате ЗИЛ

2009 г. Стали призёрами турнира репортёров в Курске

ных и послевоенных поколений, в том числе и моё, выросли в городских дворах и на сельских улицах. Эти памятные на всю жизнь адреса нашего детства были не только излюбленным местом всех игр и забав, но и камертоном отношений со сверстниками, а также воспитателем, учителем, иногда – судьёй, и всегда – нашим надёжным тылом.

Но к началу нового века городские дворы опустели, разве что в тёплое время года копошится в песочницах малышня, а зимой она же восторженно визжит на самодельных снежных горках. Школьники двор покинули: компьютеры и гаджеты не оставили придомовой территории ни малейшего шанса на честную конкуренцию в соперничестве за досуг детей. И это при том, что в десятых годах депутаты вкладывали немалые суммы в благоустройство дворовых детских и спортивных площадок. Вот эту труднейшую задачу – вернуть городским дворам их объединяющее начало, сделать их местом встреч и общих занятий не только детей, но взрослых членов их семей – и поставил перед собой Геннадий Майоров в 2008 году. Мы хотели своим проектом объединить поколения, для начала – хотя бы в рамках придомовой территории. Разумеется, рассчитывая на содействие и поддержку управления по делам молодёжи и спорту, социальных служб, занимающихся проблемами семьи...

В основу проекта "Культ двора" были положены новаторские методики давнего друга и единомышленника Майорова, совершенно уникального орловского педагога – отличника физической культуры и спорта СССР, школьного учителя-ветерана Евгения Ивановича Гоголевского. Отдавший физическому воспитанию молодёжи более 60 лет, он много сделал для того, чтобы ненавистная большинству школьников "физ-ра" стала для них более привлекательной. По крайней мере, в тех городских школах, где Гоголевский до своих 85 лет вёл этот предмет. На его счету около сорока авторских самодельных тренажёров, развивающих и укрепляющих все группы мышц, а негласным его правилом стало "движение должно доставлять удовольствие". Как это происходит на практике, я наблюдала много раз: и в зимнее, и в летнее время. Однажды проверила свои впечатления на внучке, которую почти за руку привела на одно из мероприятий в большой двор по улице Маринченко. Настя тогда училась в младших классах и не жаловала уроки физкультуры, называя их скучными и однообразными. Вначале она нехотя наблюдала за действием на импровизированной спортплощадке. Но то, что там происходило, совершенно не было похоже на привычный урок физкультуры, когда один что-то выполняет, а остальные со скучающим видом ждут своей очереди. Азарт её ровесников, которые перебежали от одного снаряда к другому в страстном желании заработать призовой жетон, незнакомые спортивные снаряды, такие простые и посильные даже дошкольникам, быстро привели в волнение мою внучку и, подхватившись на чей-то призыв, она побежала к ближайшей спортивной зоне. А их на площадке больше трёх десятков, и на каждой абсолютно любой ребёнок мог проявить себя: прыгнуть в длину или высоту, поднять "гантели" (наполненные песком пластиковые бутылки разных объёмов), попрыгать через скакалку, метнуть дротик в мишень, покрутить обруч, подтянуться на резиновой ленте или как можно сильнее потянуть на себя самодельный эспандер, попасть валенком (за неимением мяча) в корзину, и даже рассказать стишок или спеть что-нибудь. За выполнение символического "норматива" в любом задании – призовой жетон. Чем их больше заработано, тем верней победа в общем зачёте. Словом, спустя несколько минут мне в руки полетела курточка внучки – ей стало жарко. Потом она сдвинула назад козырёк бейсболки, чтобы не мешал отжиматься на пластиковых "хрустяшках", а по-

3 октября 2009 г. Спартакиада журналистов в ГРИИИИ

16 мая 2008 года, Нарезном трамвайчике по Оке

24 мая 2012 г. 15-летие спортклуба «Репортёр»

2018г. 18 мая, Болхов

В. Новошинская и Г. Петрова на Курской АЭС

сле финального гонга – раскрасневшаяся, с сияющими глазами – Настя высыпала мне в ладонь более двадцати жетонов:

– Ба, где можно получить приз и когда такие соревнования вы проведёте у нас на Прокуровке?»

С таким же вопросом ко мне подбежали ещё несколько ребят с соседних улиц, но мне нечего было ответить им. Дело в том, что к середине года мы проводили уже девятое подобное мероприятие, а те службы, которые отвечали за летний досуг юных горожан, нашу инициативу словно не замечали. Между тем мы подключили к участию в акции и творческие коллективы городского Центра культуры, превратив первоначальную задумку в настоящий праздник под девизом "Орёл – территория здоровья и культуры", который собирал жильцов из нескольких многоэтажек. Опирались мы лишь на поддержку некоторых депутатов, которые оплачивали сладкие призы для детей и, пользуясь случаем, напрямую общались со своим электоратом. Мы же, неутомимые журналисты, довольствовались искренними словами благодарности взрослых, на пару часов оставивших свои кухни и телесериалы, и возбуждённо-беспокойной суетой детей, не желавших окончания соревнований: «А почему так мало? А когда вы снова к нам приедете? А на какой улице в следующий раз будет так интересно и весело?»

К концу лета 2010 года нас знали почти во всём городе, и, видимо, слух дошёл до высоких кабинетов: одно из мероприятий, на улице Раздольной, своим присутствием почтили даже ответработники городской администрации во главе с тогдашним мэром. Помнится, он высоко оценил значимость таких массовых мероприятий для горожан и хвалил-благодарил журналистов за идею и её воплощение. Но не больше: в свои руки предложенную нами "удочку" город так и не принял. Ничего не изменил в этом плане и следующий год. Без участия городских служб мы провели ещё несколько таких же массовых праздников. Потом Майоров вместе с Гоголевским пробили разрешение на проведение подобных соревнований в ряде райцентров региона, даже несколько раз по приглашению выезжали в Брянскую область – в основном для наглядной демонстрации учителям физкультуры поселковых и сельских школ, что можно проводить полноценные уроки и при тогдашнем дефиците спортивного инвентаря. Однажды Майорова даже пригласили в областную администрацию на прямую линию с

помощником тогдашнего президента России: хвалили за хорошую инициативу, укоряли чиновников за «близорукость». Но пассивных функционеров хватило ненадолго. К великому сожалению...

Энтузиазм постепенно иссякал: всё-таки между журналистской работой и деятельностью массовиков-затейников разница существенная. В любом случае свою задачу мы выполнили: доказали горожанам, что во дворы и спортплощадки снова способна вернуться активная жизнь, что в них может быть интересно и детям, и взрослым. Только не нужно ждать "добрых дядей", а брать инициативу в свои руки и проводить такие праздники совместными усилиями – подъездом, домом, двором... Получится – глядишь, и отношение к общей территории и общему имуществу изменится, они перестанут быть "ничьими", превратятся в "наши", и хорошие хозяева всех возрастов будут благоустраивать, оберегать их от хулиганов и вандалов. Только так можно превратить Орёл в территорию здоровья, культуры, чистоты и порядка. Иначе понятие "гражданское самосознание" зависнет только в трибунных речах... Что-то в этом роде журналисты "Нового Орла" в своих публикациях пытались в те годы донести до властей, встречали сочувствие и понимание, но без участия энтузиастов проект заглох. В последующие годы если и оживала жизнь во дворах, то в основном в период предвыборных кампаний. Что касается многочисленных локальных спортплощадок, то они уже много лет пустуют. Некому возрождать их к жизни, некогда и, увы, незачем: территория здоровья абсолютно без боя сдалась виртуальному пространству. Боюсь, процесс этот необратимый...

А «Новый Орёл» продолжает жить и редактирует его уже писатель Геннадий Майоров. Несколько лет назад члены регионального отделения Союза российских писателей избрали его, автора двух десятков книг, своим председателем, и он широко предоставил страницы журнала коллегам-литераторам. При этом хватает места и для острой публицистики, которой редактор по традиции открывает каждый номер...

Журналисты на истоке Оки в Глазуновском районе

Леонид АГИБАЛОВ

Родился в 1955 году в Ливнах. Окончил Литературный институт им. Горького.

Член Союза российских писателей. Живёт в Орле.

В активе: книги стихов «Листья», «Световая гуляба», сборник баллад «Последний в Ойкумени», сборник публицистики «Приобретения», подборки стихов в столичных альманахах «Тверской бульвар 25», «Кольцо А», в журнале «Московский литератор», рецензии, предисловия.

Из цикла «ПОСТСКРИПТУМ К РАЗДУМЬЮ»

ТОТ, КТО СЛУШАЕТ ТАЯНИЕ

*"Красота – это начало ужаса, который мы ещё в силах вынести".
Райнер Мария Рильке*

Я смотрю сквозь размытые стекла оконные.
В мире оттепель. Снег побурел и опал.
Богомаз – южный ветер, как в доски иконные
Грязно-серый пейзаж в крестовину вписал.
На распятыё окна – клён расхристанный, стража
чёрных галок расположилась кругом,
сквозь размытые стёкла мерещится даже,
что картина написана крупным мазком.
А когда, наконец, застывают капли,
отдышав заскорузлые пальцы ветвей,
кто-то долго и тайно свистит на свирели.
Как растроганы стёкла квартиры моей!

ПОКИДАЯ НА РАССВЕТЕ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ

*«...мужчина не должен слишком заботиться о своём наряде...»
Сен Сёнагон «Записки у изголовья»*

Он не должен быть слишком уж собран,
этот мужчина, покидающий дом на рассвете.
Пусть шнурок на обуви болтается,
одежда виснет, как недопетая нота.
Кто увидит? Кто осудит?
Рассвет – не время для судей.

Он медлит.

Его пальцы, будто нехотя
ласкают край одеяла,
словно пытаюсь удерживать
то, что теперь ускользает.
– Уже белый день, – выдыхает она,
и в её голосе – тревога.

Он шепчет ей что-то на ухо,
что-то, что не успел сказать ночью.
Слова, как тени,
скользят между ними.
А между тем,
пояс уже заправлен.

Он поднимает дрогнувшее жалюзи,
и свет врывается в комнату,
этот незванный гость.
– Как томительно будет тянуться время, –
говорит он словами человека,
который уже скучает...

А ведь иной вскакивает, как ужаленный.
Он шумит, он суетится,
сопя, застегивается на все молнии.
Он роняет вещи и ругается.
– Где же это? Где?
Он ползает на четвереньках,

и его паника разрывает тишину утра.

– Ну, я пошёл! –
бросает он на прощанье,
и его уход не оставляет ничего,
кроме пустоты.

Но первый мужчина?

Он уходит тихо,
и оставляет след,
как след от птицы на снегу:
Лёгкий, почти невидимый.

КОДА ДЛЯ ДВУХ ТЕНЕЙ В АДУ СОВЕРШЕНСТВА

*«...Я видел, что она больше не может вытерпеть,
но держал свою ноту до тех пор,
пока мое лицо не стало фиолетовым...»*

Марио Дель Монако

Чертог сиял. Гремели хоры...
(так Пушкин начал бы, но в лабиринтах рампы,
где дирижер рассекает узел воздуха,
а клир литавр – шаги Отелло).
Дивина* голосом и взором галерки оживляла пир –
ее верхнее «Тааа!» прорвало партитуру,
как шрам на горле Федры. Я отсчитывал такты
(вдруг кода – и все мы в пропасти).
Проконсул в норме был, и все же
зачем вам знать, что в ноте «до»
содержится больше крови, чем в ариях Радамеса?
Мы – два сфинкса, грызущие один саркофаг.
Моя гортань для вас блаженство –
но прочь профаны: это не любовь,
это крик диафрагмы, выжатой как губка
в золотом ведре Ла Скала.

«IN MIA MAN ALFIN TU SEI», –**

выводим друг другу вместо «сука», пока пюпитры
крошат в пыль мрамор аплодисментов.
Занавес. Бис. Ладони в сцеп, улыбки оскал.
Перфекционизм – это когда ты хоронишь соперника
в зеркале своей примерной, а потом
ритуально красишь губы цианидом славы.
Каллас и Дель Монако – два гроба в одном катафалке.
Кто к торгу страстному приступит?
Тени тают в софитах. Финал.

Ах, Пушкин не учёл микрофонов, контрактов,
и того, что «браво» – это всегда война

под маской Мельпомены.

* LA DIVINA – "Божественная" – так называют величайшую оперную певицу XX века Марию Каллас

** «Наконец-то ты в моей руке» – финальный дуэт Поллиона и Нормы из оперы «Норма» Винченцо Беллини

СИМФОНИЯ СУМЕРЕК В ШАТО РОШЕ

*«...Случайно раскрыл томик де Севинье и ахнул:
CES BEAUX JOURS DE CRISTAL DU DÉBUT DE L'AUTOMNE
ведь это же тотчевский «день как бы хрустальный...»
Георгий Адамович*

Дитя моё, в спальне, где время застыло,
я шью облака из шелеста пергамента...
Прованс – это рана, затянутая шёлком,
а Бретань – игла, пронзающая сердцевину забвения.

Слуги бредут, как стадо теней,
их шейные платки – флаги сдавленного смеха.
Тысячи полторы мужиков в парадных лохмотьях
ждут у дороги, где карета Судьбы опоздала на век.

Они не поймут, как басни Лафонтена
точат зубы на цифрах аренды...
Их души – столбики счетов,
а моя – чернильное озеро, где тонет луна.

Дочь, твоя тишина звенит колокольчиком льда
в чаепитиях, растянутых между Парижем и Провансом.
Ты плетёшь свой покой из кружев молчания,
а я танцую менюэт с чернильными демонами.

Аббат учтиво кланяется пустоте,
сын считает мои морщины – проценты по долгам.
Только псы у ворот, рыжие, как осенние листья,
лизжут мои ладони, пахнущие слезами и шоколадом.

«Неверность можно простить, но не забыть...»
Слуги уходят, не оставляя следов на ковре.
Их жизни – пунктир в моем монологе,
где каждая точка – вздох, оборванный на полуслове.

Сумерки стелют полог над Роше,
в нем – шёпот пророчеств Нострадамуса и крики Ваттеля:
«Чем больше я познаю людей,
Тем больше я люблю форель!»

Эти прекрасные кристальные дни ранней осени
дышат сладостью гнили у корней,
когда слова обнимают воздух,
а любовь измеряют лигами до Прованса.

ТЕПЕРЬ, КОГДА УЖЕ СМЕШНО

*– Как у вас с жильём? – спросила дымчатая.
– О, вполне прилично!
Джером К. Джером «Как мы писали роман»*

Старость – это воля, которая больше не хочет,
но всё ещё ждёт.
Теперь, когда уже смешно,
Когда мир
рассыпается в сухари из кармана пьяницы,
благодарен и тому,
что твоя кошка,
эта хвостатая Лолита,
приходит,
чтобы заснуть у тебя на плече.

Она не говорит:
«Ты – мой Гумберт».
Она не говорит:
«Ты – мой юнец».
Она тихо мурлычет,
как будто это последний звук
перед тем, как вселенная
прыгнет под диван
и свернётся в клубок.

Мы спим вразнобой.
Её сны – балеты на раскалённой крыше,
мои – пустые пивные банки,
звонящие в такт метели.
Вот она, любовь,
вот она, прощальная улыбка,
или что-то,
что на неё похоже,
но только с хвостом!

Кошка шипит во сне:
«Где лето? Где стрекозы?» –
а на дворе февраль: кленовый самолётик
врезался в сугроб.
Утром она снова тычет лапой в стекло:
«Вот же! Трава пробивает асфальт!»
Но это лишь позёмка,
и я молчу, зная: зима не кончается...

НАШИ СТАРШИЕ БРАТЯ

*«Посвящается тебе, высокомерный»
(Название манги)*

Над посиневшим парком,
над цыпками небес,
над закручивающимся ливнем,
зябкий репродуктор хохочет вовсю.
Ещё, саксофон, ещё
хрипи свою мелодию из тех ностальгических времён,
когда в свистящих футболках
наши старшие братья
ходили на иллюминированную веранду танцевать...

Парной вечер,
так и не излившаяся влага,
запутавшийся блюз –
всё исполнено тайных пульсаций.
Пульсируют виски под взмокшими ежиками и канадками,
пульсируют жилки девичьего локотка...
О, спесь семнадцатилетних взрослых,
уже имеющих право на сигарету и поцелуй!

Я ищу: куда уплыл этот островок с музыкой,
с парком на обрыве?
В клубящуюся вечность, галечник и дрожащие огни,
в свежее лето, каникулы,
в паровозное сопенье
и в ненасытные рассветы наших старших братьев,
удаляющихся от нас...

*Певческий дебют. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е годы
Источник: Смоленский вестник*

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №40)

XXXI

*Возвращение в Россию. Рерих. Храм. Бекетов. Болезнь.
Возвращение музея в Смоленск*

Два месяца тому назад, после двух с половиной лет пребывания за границей, мы вернулись в Талашкино [(В 1908 г.)]. Сердце замирало, когда мы сели в поезд, чтобы ехать на родину. Какой-то затаённый страх, неизвестность пугали воображение. А минутами становилось даже весело, любопытно. Ведь ехали-то мы домой, к себе, туда, где столько оставлено труда и любви. Норд-экспресс шёл быстро, всё ближе и ближе мы становились к родным местам, и в голове толпились воспоминания, мелькали лица, страницы прошлого, то веселые, то грустные, то страшные... Всё смешивалось в голове, перепутывалось, а где-то в душе тревожно поднимался вопрос: что я увижу?...

Петербург с его сутолокой, лица приятные и равнодушные, деловые разговоры – весь калейдоскоп, вызываемый пребыванием в столице. Потом Москва – та же сутолока, те же разговоры. Всё это отодвинуло ещё Талашкино и все старые образы с ним. Но настал день отъезда из Москвы в деревню. Тут к нам примкнул Николай Константинович Рерих.

Мне кажется, как особенно чуткий и тонкий, он только из дружбы ко мне, из желания облегчить мои первые минуты в Талашкине вызвался сопровождать нас. Я только забро-

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чьё имя тесно связано с Орловицкой. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней.

Эту историю, нюансы той жизни надо знать...

сила слово, а он откликнулся. Слово это – храм... Только с ним, если Господь приведёт, доделаю его. Он человек, живущий духом, Господней искры избранник, чрез него скажется Божья правда. Храм достроится во имя Духа Святого. Дух Святой – сила Божественной духовной радости, тайною мощью связующая и всеобъемлющая бытие... Какая задача для художника! Какое большое поле для воображения! Сколько можно приложить к Духову храму творчества! Мы поняли друг друга, Николай Константинович влюбился в мою идею, Дух Святого уразумел. Аминь. Всю дорогу от Москвы до Талашкина мы горячо беседовали, уносясь планами и мыслью в беспредельное. Святые минуты, благодатные...

Приехали второго июня. День был солнечный, весёлый, природа и люди радостно приветствовали нас. Старые друзья, вековые дубы и липы, пышно нарядились в изумруды, да и всё кругом было пышно, нарядно, будто вправду для нас и сирень благоухала, разросшись до небес.

Первое время тупая боль, заглушённые сомнения сменились успокоительной надеждой. Но скоро я поняла, чего боялась, садясь в Париже в поезд, отчего сжималось сердце, на душе скребло, отчего голос шептал: «А что я увижу? Что найду?» Я поняла – с чем я когда-то расставалась и что нашла. Нашла кладбище. Мудрёная цепь расковалась...

Рерих уехал, а с ним, как дым, рассеялось очарование, предстала холодная действительность, голая правда. Мне до боли стало жаль всего, не только хорошего, но даже всех пережитых мучений. Я поняла, что нет возврата к прошлому, я поняла, что кругом всё отжило, потеряло смысл, мне показалось, что я никому и ничему не нужна. Тяжело мне стало, невыносимо больно. И день ото дня делалось всё хуже. Я духом упала...

А тут ещё несчастный Бекетов. Он встретил меня здесь обиженный, одинокий. По его словам, Зиновьев «наступил ему на сердце», оскорбил. А раньше они были неразлучными друзьями. Три недели он всё плакал, а я утешала его и сама тайком утирала слезу. Впрочем, каждый из нас оплакивал своё горе. Несмотря на мою ласку и старания развлечь и утешить его, Бекетов продолжал тосковать и немного погодя покончил с собой. Я провожала его на кладбище. Похоронили мы его в Бобырях, рядом с Гоголинским, и на его могиле я горько плакала от сознания человеческой несправедливости.

Нервы не выдержали потрясения – я заболела. Ко мне снова вернулась тяжёлая нервная болезнь, которой я страдала не раз. Долго я лежала, и боль притупила душевные страдания. Пережитая тяжкая физическая болезнь притупила нравственную, и, когда, я стала, наконец, поправляться, мне стало легче и на душе, болезнь унесла с собой и нравственные мучения. Когда я выздоровела, мне показалось, что я проснулась после тяжкого кошмара.

Я рада пробуждению. Теперь я примирилась и с горечью утраты всего, что было мне дорого, и кажется мне, что есть что-то впереди. Теперь я могу спокойно жить в Талашкине, меня меньше тревожат призраки прошлого и жгучие сожаления. Хочу верить в будущее, хочу верить, что всё к лучшему, что Царство Божие внутри нас.

За всё это время, со дня приезда в деревню, было одно обстоятельство, которое утешало меня, – настроение Киту. По-

сле долгого отсутствия из Талашкина, её колыбели, её снова охватили все интересы, пробудилась прежняя энергия. Она счастлива. За эти годы мы наслышались и начитались таких ужасов, столько узнали о многих культурных хозяйствах, снесённых с лица земли, что не верилось, будто здесь всё по-прежнему. Слава Богу, Талашкино уцелело! Настоящими врагами у нас были не те крестьяне, которых хотели очернить, которым хотели навязать какую-то ненависть, которой никогда не было. Напротив, они держали себя по отношению к нам гораздо лучше, чем во многих других местах, и особенного враждебного чувства ни одной минуты не проявляли.

За границей я очень мучилась за Киту, ей не хватало «деятельности, и хотя она как преданный друг принимала горячее участие во всех моих занятиях и помогала мне во всех начинаниях, но это всё-таки было не то, что она любила и что составляло главнейший интерес её жизни. Она всю жизнь любила деревню и хозяйство, и этого ничто не могло заменить ей в Париже. Но она безропотно пережила все испытания и трогательна была в своём смирении. Зато ей теперь хорошо. Она счастлива. По приезде сюда, когда охватили мою душу, точно пожар, жгучие сомнения, я с трудом боролась с этими чувствами, старалась не показывать своих мучений – жаль было мне омрачать её хорошие минуты. Ведь она больше меня потрудилась здесь и вложила душу в благоустройство Талашкина, создав ему репутацию хорошего культурного хозяйства. Поля, скот, молочное хозяйство, лошади – всё, чем славится Талашкино, дело её рук.

Я же теперь живу на кладбище. Куда ни взглянешь: направо – бывшая мастерская, налево – замолкший, заглушенный театр, свидетель былого оживления и веселья, там за лесом – бывшая школа. Театр пустует, в нём склад ненужной мебели, запас материалов. В школе тоже половина классов пуста, сиротливо глядят со стен картины, пособия, коллекции. Мне больно это, но я гляжу на всё как на роковую Волю свыше. Должно быть, это так надо. Пролетела буря, неожиданная, страшная, стихийная... Затрещало, распалось созданное, жестокая, слепая сила уничтожила всю любовную деятельность. Всё разметала, разогнала, разрушила, школьных птенцов разнесла, мастеров разогнала... Натешилась, утихла буря, но замолкло всё, кругом всё умерло, не слышать смеха и пения, оживления и стука. Там, где была школа, – тишина. А над ней, высоко на горе, стоит одиноко на вершине венец дела любви – храм. Во время заката уныло гляжу я с балкона на пламенеющий крест, горю, страдаю и по-прежнему люблю...

Когда, после двух лет пребывания за границей, мы стали подумывать о возвращении в Россию, я послала Лидина вперёд и поручила ему побывать у губернатора и конфиденциально, от моего имени, спросить его, считает ли он своевременным вернуть мою коллекцию в Смоленск. Н.И. Суковкин остался верен себе. Он принял Лидина неприязненно, грубо, как просителя, как лакея, остановил на пороге кабинета и, не подав руки, сорвался с места, забегал, крича:

– Скажите княгине, что я ей не городской, что мне нет дела до частной собственности. У меня банки и разные казённые учреждения, которые я обязан охранять, а до обывателей мне нет дела.

Это было неприятно, но что делать? Он никогда не отличался любезностью. Я всё-таки решила всё вернуть обратно и, благодаря любезному содействию Николая Алексеевича Хомякова, привезла весь мой музей без пошрины на границе и снова установила на прежнем месте...

У нас сгорела земская больница в Горбове, отстоящая от Талашкина в четырёх верстах. Через несколько дней после пожара ко мне приехал С.П. Карташев, товарищ председателя Смоленской уездной земской управы, с просьбой уступить им под больницу мой дом на шоссе, бывший Малютина, а потом лазарет. Я с удовольствием пошла навстречу этой просьбе и отдала им дом в безвозмездное пользование. Карташев уехал, по-видимому, очень довольным, что так быстро и просто удалось избавиться от затруднения искать подходящее помещение для больницы, что не так легко. Уезжая, он обещал по нашей просьбе обратить внимание на земский мост на большаке, который давно стоял провалившимся, и сказал, что в неделю всё будет сделано. Но, конечно, мост так и остался стоять, также я никогда не увидела и какого-то старинного кресла, обещанного для моего музея. Все это были одни слова.

Перед отъездом, за чаем, Карташев рассказывал нам разные случаи из революционного периода в Смоленске. Разговор этот, как и разговор с Ярошевичем, был записан стенографически...

Вскоре в домике на шоссе расположилась больница. Потянулись со всех сторон больные. Мы старались, как могли, оказывать всяческое содействие и помощь больничному персоналу, но... я почему-то заслужила его нерасположение. Доктор, фельдшерница-акушерка принадлежат, очевидно, к числу тех «интеллигентов», которые видят в человеке с достатком врага, представителя ненавистного им класса «капиталистов», и считают необходимым чуждаться его и враждебно относиться к нему даже тогда, когда ничего, кроме доброжелательства и пользы, от него не видали, вероятно, тоже «прэнцэпально»... И странное дело, есть масса людей со средствами, которые никогда не только пальцем о палец не ударят, не плюнут ради общественной пользы, а тут лезешь сейчас же с помощью и с сочувствием и только видишь взгляды исподлобья, недоброжелательство и злостную критику...

Среди моих учениц была одна, Маша Доронова, здоровая, сильная девушка, очень способная. Она прекрасно кончила курс нашей шестиклассной сельскохозяйственной школы, и самые большие успехи она оказала по садоводству и огородничеству.

По окончании школы я послала её за мой счёт в молочную школу Буман, Вологодской губернии, чтобы она усовершенствовалась в своих знаниях. Она оправдала мои надежды и отлично там занималась.

Ещё когда она была во Флёнове, Ярошевич не раз отличал её успехи и, видимо, интересовался ею, а затем, через несколько лет, сделавшись сам управляющим сельскохозяйственной школой, женился на ней. Я часто получала от неё благодарственные письма за возможность продолжать своё специальное образование, а когда она сообщила мне о предстоящем замужестве, послала ей своё благословение и денежный подарок.

Ярошевич, покинув мою школу, сделался управляющим сельскохозяйственной школой д-ра Анисимова в Витебской губернии. Однажды, после женитьбы, он приехал во Флёново посмотреть школу и просил позволения явиться ко мне. Я приняла его и была рада увидеть старое знакомое лицо, поговорить с человеком, с которым вместе работала, который видел все мои усилия, которого я отстаивала и который был свидетелем многих моих разочарований. Мы сидели в зале и

долго разговаривали о школе, вспоминая прежних учителей, перебирая разные эпизоды и огорчения. Я рассказала ему, как в конце концов была вынуждена закрыть школу. Мы и не подозревали, что разговор наш оказался дословно, стенографически записанным гостившей у меня в то время Л. Сосновской. Рассказы Ярошевича ярко рисуют, как смутное время отразилось на нашей школе и что там творилось под влиянием «движения» девятьсот пятого года...*[(Здесь в рукописи большой пропуск.)]*

XXXIII

Дом на Английской набережной. Лазарет в Смоленске

[(Между этой главой и предыдущей в рукописи большой пропуск в несколько страниц.)]

Мой дом в Петербурге, по Английской набережной, с июля 1914 года, т.е. с начала войны, был занят солдатами. До войны главную часть дома занимало Суворинское театральное училище, но как вышло, что училище в один прекрасный день оттуда улетело, а на штучных итальянских паркетах, сделанных из розового дерева, перламутра и слоновой кости, очутилось 600 солдат, это знает только тот, кто это дело и состряпал. Я знала, что лазаретами были заняты не только частные дома, но даже и дворцы, а солдатами... этого я не слыхала.

Контракт с училищем был многолетний, на десять лет, и в момент этой перемены декорации оставалось ещё 7 лет аренды.

Шли месяцы, писались просьбы, заявления, началась усиленная беготня управляющего в Главный штаб и другие учреждения... напрасные надежды – платы за занятое помещение я не получала. Материальное положение моё становилось критическим. Жизнь с каждым днём становилась дороже, и я решила во что бы то ни стало продать этот дом.

Кого я только не приурочила к этой продаже. Тут были комиссионеры-евреи, крещёный люд разного облика и положения, знакомые дельцы и даже друзья, которым хотелось выручить меня из беды, но дело от этого ни на йоту не двигалось вперёд. Я же тем временем сидела почти без средств. Тогда мы с Киту отправились в Петербург.

В Смоленске нас посадили в поезд с беженцами из Польши, состоявший из сорока товарных вагонов, в открытые двери которых видны были целые обстановки: стулья, кровати, дети, собаки и всякий домашний скарб. Был ещё один вагон-микст, в котором мы и расположились.

Было ещё тепло, деревья желтели, мимо нас плавно проходили грустные, такие близкие сердцу наши русские картины...

Мы тащились без конца, останавливались чуть ли не у каждого телеграфного столба, часами стоя в тупиках, пропуская воинские, товарные и пассажирские поезда. Во время таких стоянок наши спутники-беженцы высказывали из своих квартир-вагонов и возвращались из леса лишь после многократных сигнальных свистков паровоза, нагруженные множеством грибов.

Это путешествие носило какой-то особенно интимный характер, все пассажиры разговорились между собой, и нам было даже весело. Наша компания состояла из Киту, меня, моей дочери Мани, Ольги, двух её гувернанток, В.А. Лидина, С.С. Четыркина *[(Один из членов-сотрудников экспедиции полковника Козлова в Монголию.)]* и трёх девушек.

Наш вагоновожатый был, вероятно, в своём деле новичком. Он не знал ни одной станции, ни времени остановок или прибытия.

Ну и наделал же нам беды этот самый новичок! Почему-то ночью ему вздумалось открыть окно в коридоре нашего вагона, и, по всем вероятностям, в это окно влетел горящий уголёк от паровоза.

Меня разбудила Киту усиленным стуком в дверь. Помню, что мне уже очень не хотелось вставать и как-то спалось особенно сладко. Но настойчивый стук наконец меня отрезвил, и я увидела... впрочем, я ничего не могла видеть в моём наполненном густым и едким дымом отделении...

Ужасное чувство задыхаться в дыму! Глаза плачут рекой, в горле горит, и грудная клетка как будто отказывается подняться, чтобы втянуть воздух, что-то давящее и одновременно дурманящее!

С трудом и ощупью я нашла мою собачку, дорожный мешок, набрала ещё каких-то вещей и едва протолкнулась в дверь моего отделения. Когда я с трудом открыла её, предо мной на полу коридора горел костёр, через который мне пришлось перешагнуть. В вагоне царил смятение, все уж были на ногах. Надо было во что бы то ни стало остановить поезд, позвать на помощь. Дышать уже делалось невозможно, и окон не удавалось открыть. Мы друг друга не видели, толкались и разом все говорили.

Вдруг я вспомнила, что в конце вагона находилось так называемое служебное отделение. Бросившись туда, я нащупала чьи-то ноги, которые я с яростью принялась тянуть. Одновременно с этим Четыркин разыскал ручку тормоза и всею тяжестью навалился на неё.

Поезд понемногу остановился, и в тишине ночи раздалась чьи-то недовольные голоса: «Что там ещё случилось?» В эту минуту нам удалось наконец открыть дверь вагона. Соскочив на путь, шатаясь, я подбежала к паровозу, крича: «Скорее, скорее, горим!»

Во время тушения пожара мы слышали, как один кондуктор сказал: «Если бы ещё десятью минутами позже, все бы там остались, никто бы не уцелел».

Через некоторое время, ещё взволнованные, оживлённо обмениваясь пережитыми страхами, мы снова двинулись в путь...

В каком ужасном виде нашла я свой дом! Всё, что представляло в нём ценное – дорогие художественные украшения, резьба, паркеты, – мои даровые постояльцы немилосердно испортили и при устройстве нар в деревянные панели стен безжалостно вбили тысячи гвоздей. Мраморные подоконники были разбиты, бронзовые позолоченные дверные ручки вырваны, языки и головы скульптурных кариатид отломаны, паркеты облиты жиром и водою и так грязны, что их можно было бы принять за простой пол дурно содержащегося стойла. Положительно, если бы через это помещение прошёл ненавистный немец, то оно осталось бы в лучшем состоянии!

Два раза мы с Киту ездили в Петербург с целью наладить продажу этого дома. Я часами сидела у телефона, вела переговоры, но всё это ни к чему не привело. Мало-помалу мои комиссионеры отпали, переписка прекратилась, и на продажу дома я почти перестала надеяться. Весною 1915 года я даже пожертвовала, после долгих хлопот, 1400 рублей с тем, чтобы выселить солдат и снять нары. Деньги взяли, солдаты действительно выехали, но не ради моих хлопот, а просто настало время переезжать в лагерь, и я только на минуту была в иллюзии, что отделалась от непрошенных гостей.

1915 год. Император Николай Второй в начале войны

Не тут-то было! Сейчас же после солдат в это помещение ввалился целый штаб генерала Ф. и занял ни больше ни меньше, как четыре квартиры!

Когда спустя 10 месяцев генерал Ф. выехал, домом тут же завладело какое-то справочное бюро с генералом К. во главе. Я узнала, что справки, выдававшиеся там, были настолько точны, что написанное надо было понимать в обратном смысле. Например, если на бумажке сказано, что воин находится в плену или ранен – читай убит. Подобное случилось с моим знакомым Н. Шевцовым. В течение двух месяцев справлялся он о судьбе сына и наконец получил ответ – убит, а он оказался живехонек!

Впрочем, слава этого прекрасно организованного и полезного учреждения вполне и прочно установилась. Стоит оно, вероятно, казне немало денег со своим персоналом в количестве нескольких десятков здоровеннейших, гладких и сытых деятелей, и придумано оно, вероятно, было тоже для «обороны от воинской повинности»...

В это время мой второй петербургский дом, на Моховой улице, из-за непомерной дороговизны топлива почти ничего не приносил. Я сидела почти без средств.

В сущности, какая это была несправедливость со стороны правительства разорять ни в чём не повинных людей, как я...

Но меня ещё ожидало одно тяжёлое разочарование.

С первого дня объявления войны в июле 1914 года я решила устроить в Смоленске лазарет для тяжелораненых на тридцать кроватей. Мне удалось узнать о начале войны ещё за два дня до официального её объявления. Я тотчас же телеграфировала одному хорошему знакомому, петербургскому врачу, чтобы он купил для меня всё необходимое оборудование лазарета.

Спустя неделю лазарет уже был устроен, и 12 августа прибыла туда первая партия раненых. Хирургом я пригласила по рекомендации профессора Цейдлера одну из лучших его учениц, Н.В. Сергиевскую, а помощником её А.Г. Гржибовского.

Для того чтобы мой лазарет мог обслуживать и другие, я достала рентгеновский кабинет и для большего удобства поместила его тут же в своей квартире. В Смоленске другого кабинета в то время не было, и мы сняли с раненых других лазаретов более 3000 снимков.

Лазарет помещался в смоленском отделении Московского археологического института, как раз над моей квартирой, и таким образом, я могла день и ночь там работать и следить за тем, чтобы раненым было как можно лучше. Его посетил государь и остался им очень доволен, выразив мне свою благодарность.

Свой автомобиль я предоставила исключительно для раненых. В Смоленске перевозочных средств для раненых не

было устроено, и этот автомобиль за 13 месяцев перевёз 631 человека в разные лазареты. В любой час ночи, стоило только нам позвонить по телефону, и автомобиль без отказа выезжал на железную дорогу. Так как у нас не было в то время хорошего шофёра, то В.А. Лидин с большой охотой и тоже без отказа исполнял эту роль. Чтобы не рисковать порчей автомобиля, я перестала сама им употреблять.

И этот-то, необходимый для всех смоленских лазаретов, автомобиль реквизировали! Это случилось именно в момент, когда я поехала в Петроград хлопотать об уплате мне за полтора года военного поста в доме на Английской набережной, в тот самый раз, когда мы все чуть-чуть заживо не сгорели в вагоне. Дешешу о том, что автомобиль реквизирован, я получила в день приезда в Петербург. Итак, едва только я уехала, как со мной сделали самую кричащую несправедливость...

В скором времени наш лазарет, как и все частные лазареты в Смоленске, был закрыт ввиду приближения немцев, а дом был отдан авиационному отделу. То, что меня духовно поддерживало в течение этих тринадцати месяцев войны, безжалостно и сразу было вырвано из моих рук. Я вдруг и сразу окунулась во все ужасы общего развала...

XXXIV

Зима 1915–1916 годов. Диссертация. А.И. Успенский

Мы решили прожить зиму 1915–1916 годов в Москве. После закрытия лазарета мне больше нечего было делать в Смоленске. Кроме того, мою квартиру занял великий князь Александр Михайлович, переехавший в Смоленск со всем своим авиационным штабом.

Общее настроение тогда было ужасное. Измена Мясодова, Сухомлинова и других тяжёлым камнем легла на душу каждого из нас. Наше грандиозное и в то же время позорное отступление из-за недостатка снарядов, падение одной крепости за другой и, наконец, последний удар, взятие Варшавы, всё это убивало всякую надежду... Я как-то застыла, съёжилась и замолкла. Мне было всё равно где жить. Состояние было такое, что казалось, что и жить-то не хотелось...

В Москве мы наняли старый деревянный особняк. Перевезли туда часть моих вещей и начали жизнь, по условиям и обстановке похожую на беженскую. Вначале мы были растеряны, но у нас в Москве есть и родственники, и знакомые, радушно и ласково нас принявшие.

В течение этой зимы мне удалось ближе познакомиться с некоторыми слоями современного московского купечества и изучить их нравы. Попала я в высшее купеческое общество и могу сказать, что купеческие дамы в большинстве гораздо симпатичнее мужчин. Они благообразны, молодые очень нарядны, приветливы, общительны и, несмотря на крикливость, всё же производят впечатление добродушных женщин. Мужчины же не то. Дельцы, отцы семейств – надуты, мешковаты, весьма неразговорчивы, холодны и почти неучтивы, а вид у них такой, как будто бы они людей ни во что не ставят, им они не нужны и, чего доброго, денег попросят взаимы.

Молодёжь, та очень забавна, она вся обязательно с бритыми лицами, одета по строгим правилам последней английской моды, но почему-то кажется скорей смешной и напоминает какой-то маскарад. Несмотря на желание что-то из себя изображать, эти молодые люди ни по своему воспитанию, ни по манерам или разговору не дают ни на секунду иллюзии,

что вы находитесь в культурном обществе. Наоборот, перед вами только прилизанные, прифрантившиеся приказчики, с развязными, гостинодворскими манерами, вроде П.А-ва. Между ними есть красивые юноши, с мужественными лицами, рослые, говорящие даже на иностранных языках, как, например, Г-в, которого я встречала чаще других. Но всё-таки по своей грубости он остался тем же плохо воспитанным парнем из любого лабаза, несмотря на его бритую физиономию и безукоризненное платье новейшего покроя.

Та часть московского купечества, с которым я столкнулась, живёт очень богато, в больших хоромах, даже дворцах. Теперь у них пошла мода на классику, и без колонн снаружи и внутри архитектор не смеет сунуться со своим проектом, иначе лишится выгодной работы. Без колонн теперь купечеству как-то не живётся, поэтому в самых узких и грязных московских переулках вы всюду натываетесь на дома с толстыми несуразными колоннами, подпирающими тяжёлые фронтоны с массой снега на крышах.

Колонны обозначают дом богача, уж это без ошибки. Затем они говорят о том, что здесь можно хорошо покушать, служат, так сказать, вывеской, а купец это любит, чтобы хорошая вывеска была на его заведении.

Кушает он, несмотря на дороговизну продуктов и войну, много и хорошо. Но он не эгоист, он любит это делать в большой компании. У него открытый дом, и подают на обедах всего так много, что хоть в карман клади и домой уноси. Я непременно так сделаю в первый же раз, что снова попаду на такой обед, возьму полрябчика, ведь теперь они стоят три рубля штука.

На многолюдных званных обедах поражает пестрота приглашённых. Там можно видеть и генералов, и каких-то прапорщиков, и разных тыловых героев, и актёров, каретников, суконщиков, приказчиков, докторов, одних или с их почтенными половинами. Нельзя себе представить, чтобы на Западе к званому обеду какой-нибудь молодой человек решил бы приехать в цветном галстуке и кофейном пиджаке, а в Москве очень просто, всё можно, и никто в вину этого не поставит. Такой господин однажды был моим соседом за столом справа: и так пил, так много пил, что после обеда прохода не давал одной даме, уже не первой молодости, и всё повторял: «Нет, скажите же, пожалуйста, сколько вам лет?»

Мой сосед слева был ещё интереснее. Уже немолодой, со взъерошенными волосами и проседью в бороде, он молча сел за стол, но после нескольких стаканов язык его развязался. Он избрал своим объектом мою племянницу В., которую он видел впервые. К концу обеда, да и после, он без умолку повторял крикливым голосом: «Ты Вера! Ты Вера моя... Вера!... Что может быть выше Веры!» Что он пьян, это было ясно, но кто его знает, может быть, он пустил в своём роде и остроумие, потому что моя племянница действительно огромного роста...

Купечество живёт, по-видимому, больше напоказ – колонны на фасаде, колонны в парадных комнатах, а в общем всюду холодно, чинно и неуютно. Мне лично никогда не хотелось бы жить ни в одном из таких домов. В них отсутствует душа. Напрасно вы стали бы искать в них ту интимную комнату, ту «святая святых», в которую уходишь отдохнуть, найти себя, сосредоточиться, взяться в свободную минуту за начатую книгу или оставленную работу, комнату-друга, которую обставляешь заветными и любимыми вещами, накапливающимися годами, даже отчасти вытесняющими вас, где уютно и особенно хорошо дышится, думается и живётся. Таких комнат купечество, видимо, не понимает.

В их гостининых царствует одно тщеславие и бездушие. Вы видите там дорогие предметы, чинно расставленную мебель и безделушки, ценные обивки, ковры, а в спальнях – простые металлические кровати, рыночную мебель, криво задёрнутые и смятые занавески и хаос, делающий впечатление неопрятности.

Когда я в последний раз посетила Шукинский музей, вскоре после того, как сам Шукин умер, то после массы действительно очень редких предметов старины, наполняющих этот музей, мне показали его бывшую спальню, обстановку, в которой он когда-то жил: ореховый умывальник с мраморной доской, ореховые диван и кресла рыночной работы, с красной обивкой – обыкновенные принадлежности любой гостиницы...

Вот они, московские эстеты! Всё для видимости, весь блеск лишь там, где надо поразить, только до указанной черты, а там дальше, за порогом, там мецанский простой задворок...

Чем больше я присматриваюсь к московским богатым купцам, тем яснее для меня, как мало среди них искренних любителей искусства, вроде Остроухова или С.П. Рябушинского, как редко кто из них по-настоящему любит и понимает те вещи, которыми себя окружает. Большинство московских коллекционеров в искусстве ничего не понимает, и гоняются они за старинными вещами исключительно, чтобы быть как все, по моде, и обладать тем, чем можно похвастаться. У них считается хорошим тоном быть коллекционером живописи, фарфора, старинной мебели, редких книг, которые не читаются, а иногда просто лошадей, автомобилей или орхидей. Играет, вероятно, немалую роль и то, что слава тонкого ценителя, собирателя или мецената стужёвывает, покрывает приятной дымкой прозаического суконщика или кожевника.

Вот и получается, что в их обширных хоромах наряду с греческими колоннами фальшивой нотой звучит всюду поповский фарфор, тяжёлая и громоздкая мебель красного дерева или карельской берёзы, построенная когда-то доморощенными столярами в глуши русских помещичьих деревень. Претенциозность таких обстановок и одновременно нагромождение вещей современной безвкусицы, с предметами нередко сомнительного достоинства, неприятно поражают глаз, делается скучно от такого случайного набора вещей.

Подобный собиратель, как мне рассказывали, не рискует ездить по антикварам один, он таскает обыкновенно с собой какого-нибудь знатока-советчика из неудачных актёров, музыкантов или какой-либо другой профессии понаторевших на этом деле людей. Попробуйте, однако, убедить такого «знатока», что не всё то красиво, что только старо!...

Ни в одном городе я не чувствовала так «бряцание денег», как в Москве. Назойливое напоминание, что здесь люди богаты, сыты и самодовольны, отовсюду лезет на вас и наполняет собою всю атмосферу. Точно все всегда справляют чьи-то именины. Кстати, сохранился тут и старинный азиатский обычай: встречаются москвичи – целуются, а смотришь – это даже не друзья, просто едва знакомые люди. Эта манера целоваться со всяким встречным страшно поражает иностранцев, они никак в себя от этого прийти не могут.

Если вы не в силах себя настроить и взвинтить до такой степени, чтобы всегда куда-то лететь, катить по узким улицам как попало, потрафлять на обеды, шуметь, громко говорить, если вы не слепо следуете самой идиотской моде, не сорите деньгами и не бросаете пыль в глаза, вы чувствуете

себя в этой среде не на уровне общего настроения и совсем, совсем чужой...

Что случилось с прежней, милой, уютной Москвой, где люди жили когда-то среди садов, в которые весной залетали даже соловьи и так трогательно пели, будто в деревне? У меня всё это сохранилось в памяти от моего далёкого детства.

Теперь же какой-нибудь нажившийся Тит Титыч решит тряхнуть мошной, приказывает архитектору построить ему большущий доходный домину, не считаясь с шириной узкого-преузкого переулка, и давит эта махина всё окружающее, небо подпирает, темно от неё в этом задушенном переулке, превратившемся в какой-то коридор, и хочется бежать отсюда, так там неуютно.

За малым исключением, что ни дом, то стоит возмутительный урод, оскорбляющий глаз и чувство!

На мой вопрос, как могло городское управление допустить такое безобразие, мне отвечали, что между гласными Городской думы как раз много таких домовладельцев. Поэтому понятно, что вопрос о максимуме высоты домов в Москве основательно погребён и давно забыт.

От прежней, дедовской, Москвы остались здесь ещё трогательные церковки, когда-то первенствовавшие своими пёстрыми, разнообразными главками и позолоченными крестами среди окружавших их строений, не державших подниматься выше своей святости.

Теперь эти церковки приходится искать среди затирающих их, возмутительных по своей архитектуре, уродливых семиэтажных домов «нового стиля», вернее, немецкого безвкусыя и безобразия. Немецкое растление русских умов не пощадило и нашей архитектуры, внедрившись в неё с такой же наглостью, как и во всё остальное.

Удивительно! Что же это случилось с русскими людьми? Куда девались их зодчие?...

Но вот где до сих пор ещё действительно отдыхает глаз – это Кремль. Как вечный символ нашего величия, высится он, окутанный призраками прошлого и всегда одинаково благородный. Мы очень любили с Киту гулять и любоваться с высоты его террасы ярко-огненным закатом морозного дня и удивительной гармонией и благородством его зодчества. Хорошо там, просторно и особенно дышится легко!

Мы растерялись в Москве, новый облик улиц, среда, в которой мы очутились, нам были чужды, а между тем я помню, раньше та же Москва имела для меня особенное обаяние. Вероятно, волна событий выбросила нас лишь на такой берег, где пища для ума и сердца не нашлось. Но мне хочется верить, что когда-нибудь я найду ту тропинку, которая приведёт меня к настоящему творческому сердцу Москвы, и что это сердце пригреет меня, поднимет мой дух и приобщит к своей коренной семье...

В ту зиму в Москве у меня случились два очень приятных события. Однажды в январе, сидя за обедом, я получила письмо с красивым светским почерком на конверте, а в нём предложение продать мой дом на Английской набережной в Петербурге, да ещё с просьбой сделать это без вмешательства комиссионеров. Восторг мой был неописуем, и я тотчас же настрочила ответ.

Завязалась переписка с председателем правления Богословского горнозаводского общества А.А. Половцовым. Мы обменялись взглядами, но не сошлись. Остановились на том, что каждая из сторон может по желанию возобновить переговоры.

Неудача в этот раз меня не огорчила, я уже привыкла вести переговоры по продаже этого дома, которые ни к чему путному не приводят, но факт, что Половцов меня сам первый запросил, что дело это не навязано каким-нибудь комиссионером, бегающим с предложением выгодной ему аферы, а чистое дело, ободрило меня, и я решила выждать. И действительно, в декабре месяце А.А. Половцов снова заговорил о доме, прислал уполномоченного, и в результате мы совершили купчую крепость.

Тем временем, чтобы не пропала эта зима в бездействии, я решила во что бы то ни стало закончить мою давно уже начатую работу, которую я хотела представить Московскому археологическому институту как диссертацию. Однако вполне её довести до конца в такое время оказалось невозможным. Последняя её часть так и осталась лишь в виде отдельных заметок и записей. Что же касается первых трёх, то тут пришлось сильно сократить иллюстрационную часть. Около двухсот фотографических снимков с эмалевых предметов, которые я должна была получить из-за границы, так и не пришли, вероятно, затерявшись в дороге после объявления войны. Заказать же теперь в заграничных музеях новые было невозможно, и я решила приложить к своей работе попросту снимки, сделанные из книг, в надежде когда-нибудь заменить их настоящими, сделанными с натуры.

По приезде в Москву я почему-то думала, что наш профессорский археологический мир, с А.И. Успенским [(Директор Императорского Московского археологического института.)] во главе, привлечёт меня в свою среду, что у нас по-прежнему установится дружеское общение, как это бывало, когда они приезжали в Смоленск читать свои лекции. Лелеяла я надежду, что у нас найдётся достаточно общих интересов, и я примкну к институтской жизни.

Я всё поджидала, что господа профессора найдут нужным сделать мне предварительный визит, как это делается всюду в Европе, и с этого, как кажется, и завязываются обыкновенно между людьми отношения. Но, вероятно, это всё относится к той области законов общежития, которая незнакома нашему миру учёных. Кроме профессора Мальмберга, никто обо мне не вспомнил, а А.И. Успенского я видела у себя на минуту лишь один раз.

С А.И. Успенским мы неоднократно переговаривались по телефону, встречались несколько раз в институте при торжественных случаях, и каждый раз он меня, по установленному и довольно странному обычаю, с рвением, трижды лобзал при встрече и прощании, а затем – ничего.

Мы даже не имели с ним десяти минут, чтобы побеседовать спокойно о наших общих делах, а у меня так много было что сказать и предложить...

Вообще, за последние два года, наши отношения с ним свелись почти на нет. Я не понимала, занят ли он через меру, взял ли он на себя свыше сил всевозможных обязательств или сердится на меня? Но за что? Совесть моя чиста, и я до сих пор ни в чём не могу себя упрекнуть по отношению к нему.

Несмотря на создавшееся положение, мне как-то не хотелось начинать скучных объяснений, да, кроме того, меня ещё удерживало от объяснений здоровье Александра Ивановича. Оно было неважно, и болезнь у него была серьёзная – почки. Мне даже пришлось однажды доставить его к нему домой из института в отчаянном состоянии, он сразу расхворался на одном из заседаний Совета.

(Продолжение следует)

Дмитрий ЩЕГЛОВ

Дмитрий Алексеевич ЩЕГЛОВ – известный драматург и прозаик, автор многих пьес на исторические и современные темы и мемуаров о войне, которые он закончил в 1963 году, незадолго до смерти.

Во время войны он был офицером, работал с пленными, вёл пропаганду и контрпропаганду среди солдат противника. Обо всём этом почти не писалось в нашей литературе, и книга Дм. Щеглова открывает нам новую и малознакомую область военной жизни.

В чём была сила умного и изощрённого врага, который противостоял нам; как фашисты использовали в своих интересах ошибки и беззакония предвоенных лет; как совершался моральный распад гитлеровской армии и перелом в душах её солдат и офицеров; как остра и сложна была обстановка на освобождённых землях и в Германии, когда туда вступили наши войска; как сама жизнь позволила автору несколько лет следить за судьбами нескольких немецких офицеров и нескольких русских людей – обо всём этом рассказывает книга «Три тире» (Советский писатель, Москва, 1967). Предлагаем вам отрывки, связанные с Орловиной.

Продолжение. Начало в № 49

27 июля 1943 года

По радио сегодня слушали из Лондона и из Москвы такие сообщения, о которых немедленно надо довести до сведения солдат немецкой армии.

25 июля пал Муссолини! В Италии повсюду происходят массовые демонстрации. Эти демонстрации были в Риме, Милане, Турине, Венеции, Флоренции...

Удар под Курском и Орлом уже поколебал престиж Берлина, и события, происходящие в Италии, не что иное, как начало распада гитлеровского блока.

И всё же гитлеровская армия ещё цепляется за нашу землю. Что это? Храбрость? Мужество? Покорность воинскому долгу, дисциплина или панический страх возмездия?

29 июля 1943 года

Добраться до передовой было сегодня довольно трудно. Ливень размыл дороги, и наш грузовичок, рискуя сползти в кювет и перевернуться, упорно преодолевал преграды, чаще пробираясь без дороги, прямо по ржаному полю, где колосья превратились в спасительную гать.

В одной деревне, где почти два года население прожило «под немцем», удалось побеседовать кой с кем. Но говорят люди осторожно, присматриваясь к собеседнику. Оказывается, как только появились немцы, землю сразу поделили по дворам, исходя из душевого расчёта.

– Что гаму было! – со злобным озорством говорит молодая женщина, отвернувшись в сторону. – Это вы сами понимаете... размежевали, выделили для каждого двора особый клин, и каждый сам стал его обделывать. Лошадей колхозных поделили тоже: одну на пять дворов. А опосля семян прислали. Во как! – Женщина хитровато сморщилась и шумно шмыгнула острым носом. – Пшеницы, стало быть, ржи прислали... и перед всем собранием потребовали, чтобы клинья все как есть засеяли, а у кого хлеб не взойдёт, тех расстреляют! Вот ты и попробуй не посеять... Видели? Ни одного клочочка пустого нет.

– А собирать хлеб должны были тоже порознь?

– Ну-у... это мигом! В три дня бы всё пособирали. – Хозяйка внезапно затуманилась и добавила равнодушно: – А теперь колхозно будем убирать, как полагается, все вместе. Ясно...

Что-то в этой беседе было ещё недосказано. Неизжитая во многих жажда единоличного стяжательства дала возможность оккупантам не только путём угроз, но и путём различных поощрений, опираясь на старых подкулачников, неплохо организовать посев. И впрямь – куда ни кинешь глазом – везде либо хлеба, либо огороды. И методическая аккуратность завоевателей видна во всём: на избах приколочены дощечки с номерами, ворота убраны белыми стволами тоненьких берёз, небольшие садики обнесены низкими плетнями, также из

берёзовых жердей, водопой для лошадей окружён высоким срубом и перекрыт толем, чтобы дождь не мутил колодезной воды. По желобам, поставленным на стойки, вытекает чистая холодная струя.

Чем плохо? Сделать быт удобным, целесообразным, чистым... Это же великолепно! Но сейчас, когда с такой же педантичной «аккуратностью» они уничтожают честь, достоинство и жизнь наших людей у себя в тылу, все эти «штучки-дрючки» кажутся кощунством и понимаешь, что не в этом суть национальной, человеческой культуры.

Землянки у них также построены добротно и с удобствами. Двойные двери, плотно пригнанные и легко открывающиеся, на стенах шкафики и полки, аккуратные деревянные кровати выжжены для красоты довольно примитивными узорами. Но и здесь другое является характерным знаком их культуры. Невольно обратил внимание на вырезки из журналов и газет, приклеенные или приколотые к смолистым стенам. И что же там изображено? Серия обнажённых женских ножек, полуголые фигуры в пикантных позах и строчки из популярной любовной песенки о Лили Марлен. Вот эти, отнюдь не боевые, детали быта раскрывают душу создателей военного уюта, душу фашизма, сулящего после огня и крови счастье! Но какое? Счастье – это плоть... И ни одной возвышенной задачи не ставится перед солдатом. Войой, и всё!

Сегодня приказано подвести итоги и составить справку о моральном состоянии противостоящих нам дивизий.

На столе дымится крепкий чёрный кофе, глухая ночь, но мы с лейтенантом Беллой Гольдрейх будем сидеть, должно быть, до утра, систематизируя протоколы и разбирая новые документы. За это время мы с ней сдружились, с этой неуклюжей, смешной, близорукой девушкой. Несмотря на молодость (ей 21 год), она имеет уже боевой опыт, приобретённый под Сталинградом, и, кроме того (и это важнее всего), имеет умную и, я бы сказал, даже мудрую голову. Ей можно всё доверить, она работает тщательно и только, к сожалению, так медленно, что иногда невозможно удержаться от строгих замечаний.

31 июля 1943 года

Сегодня опять вперёд.

С наблюдательного пункта видно, как во ржи, густой и уже высокой, вручную катят пушки наши артиллеристы.

С кем бы сегодня ни заговорил – у всех улыбка! Это знак событий, знак наших чувств. И вдруг... когда стемнело, над Орлом появилось зарево и чёрные клубы дыма повисли в небе. Можно уловить глухие звуки взрывов. Никто не спрашивает, в чём дело, – всем понятно. Готовясь оставить город, фашисты его уничтожают. А население? Что с ним? Осталось? Спряталось? Или его угонят дальше?

Из Берлина по радио накачивают ярость в гитлеровские

войска. Вот чем нацизм пытается поднять боеспособность своего солдата: «В Италии фашистская партия распущена, а война всё же продолжается... Значит, Англия и Америка хотели и хотят уничтожить не фашизм, но итальянский народ и то же самое ждёт Германию, если она не победит».

В том сарае, где мы сегодня разместились, у немцев была дивизионная сапожная мастерская – и здесь приятно пахнет кожей и лошадьми. Кончаю разбор последних трофейных документов. Вдруг кто-то зацарапался, ища входную дверь, и лёгкой приплясывающей походкой вошёл светлоглазый и светловолосый старший лейтенант Илья Нииколоевич Лазарев, переводчик дивизионной разведки. Он всегда счастлив и немного чему-то удивлён, но в то же время всегда подтянут, исполнитель и деловит. Как-то особенно форсисто вскинув руку, он козырнул и пригласил меня от имени начальника своего отдела к ним в землянку. Из Орла прибыл партизан, который сегодня ночью должен пройти обратно.

– Для вас может быть интересный материал, майор. По вашей части. У вас нет какой-нибудь небольшой книжечки? Чего-нибудь лёгонького, а то всё прочитал.

Пока я надевал шинель, он быстро перебрал стопку книг на койке Евтюхова.

– А Серёжи нет? Как-то брал у него Есенина... Конечно, ничего не скажешь, поэт хороший, но к чему? Практически никакой пользы. Лучше учить слова в «диксионере». Я учу каждый день по десять – пятнадцать слов. Майор, давайте соревноваться! А? Чтобы в Германии уже говорить свободно. Может быть, и остаться придётся там надолго?

– Возможно.

– Так, значит, книжечки у вас нет... Жалко.

Мы вышли. Налево подыхало зарево, похожее на солнечный закат. Горит Орёл, а ночь такая летняя, пахучая, и хочется чего-то необыкновенного... внезапного распада всей гитлеровской армии и счастья... Впрочем, сегодня разгром фашистских орд – это и есть счастье.

В бывшей штабной землянке немецкого полка, километрах в двух от передовой линии, поместился разведотдел 129-й стрелковой дивизии.

Когда мы с Лазаревым вошли, за столом сидело несколько наших офицеров и бородатый человек в тёмной рубашке и коротком сером пиджачке.

– Знакомьтесь! – указал на старика начальник разведотдела дивизии подполковник Суляев.

– Требунских Алексей Никандрч.

Что-то знакомое мне показалось в названной фамилии, и я, протягивая руку, спросил:

– Вам немец Гриша... не знаком?

Старик вскинул на меня глаза, и в них я не заметил ни удивления, ни любопытства.

– Знал. Он где? Перебрался, значит?

– Перебрался.

– Ну и слава богу, – спокойно и просто вымолвил старик.

– Я вашу подпись видел... на одном листочке.

– Конечно... Да... И я подписывал.

– А я-то думал, что вы тоже пленный.

– Никогда им не был. В деревне нашей кой-что работал... по заданию.

Явно не желая больше ничего рассказывать, он сосредоточенно взял кружку с водкой и выпил всё до дна большими жадными глотками. Крякнув и утерев усы и пепельную бороду, гость приподнял голову, оглянул всех нас, а затем... затем произнёс два горьких слова:

– Поспешайте, братцы!

Мы молчали.

– Иначе «он» всё сожжёт. Всё в прах пускает. Угоняет всех.

– Вот посмотри, – протянул Суляев большой типографский лист. Это было обращение к жителям Орла на русском языке.

«Орёл объявляется боевой зоной.

Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покиданию города в другом направлении будет воспрепятствовано силой оружия.

Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет, способные носить оружие, будут, как и раньше, задерживаться. Они избегнут задержания только тогда, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице.

Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречено на улице, будет расстреляно.

Военный комендант Хаман, генерал-майор».

Пока я прочитывал листок, Требунских продолжал говорить, медленно подбирая слова:

– Гитлер третьеводни был сам в Орле. Держал речь к солдатам. Пугал. «Ежели, сукины дети, сдадите «Орэль», значит, война подойдёт к Германии». Вот они и цепляются за Орёл... Мёртвый город хотя оставить. Поспешите, братцы! – опять повторил старик, но уже совсем иным тоном, и в его карих глазах промелькнуло что-то такое отчаянно-злое, что я невольно спросил:

– Сколько вам лет?

– Сколько? Много. Под сорок идёт. Седой, конечно... Да оно и лучше, за старика схожу.

– Алексей Никандрч, я дневничок, который вы принесли, передам майору, – стараясь подчеркнуть своё уважение, сказал Суляев и хотел было ещё подлить вина, но «старик» не дал, прикрыв свою кружку ладонью.

Никаких новых данных о противнике эта беседа нам не дала; зачем пробирался Требунских к нам, с какой задачей уходит назад, я не имел права спросить, и это осталось мне неизвестным. Зато короткая фраза: «Поспешайте, братцы!» – до сих пор звучит у меня в ушах.

В небе огромное зарево. Старинный русский город Орёл в огне. А если убийцы будут так уходить из каждого города?

Родина, что же будет с тобой?

1 августа 1943 года

Дневник, который передал нам Требунских, в целом не очень интересен. Характерна только одна пронизывающая его интонация: «Куда-то нас понесёт и что с нами будет – никто не знает».

Фамилия владельца этой тетради – Рихтер, 14-я рота, 309-й полк, 208-я пехотная дивизия, и привести мне хочется только две последние записи.

«ДНЕВНИК

Брянск, 21 июня 1943 года

Под Орлом что-то происходит. Это замечают все солдаты, находящиеся в том районе. Должен ли здесь быть отправной пункт нового движения на юг и север, чтобы сделать два котла: под Москвой и ещё где-нибудь? Или, может быть, приготовления представляют собой ложный, отвлекающий манёвр, а события развернутся в другом углу? Всё это уже когда-то было. Война стала тривиальной вещью.

Уже много месяцев, как я езжу по этой большой стране. Увы, не добровольно и не как турист. Я, к счастью, редко подвергался опасностям и не смею жаловаться, но всё же воен-

ная игра могла бы уже кончиться. Пора. Печальна история моей дивизии: под гордым Бранденбургским орлом, начертанным на нашем знамени, мы представляем собою слабую дивизию для тыловых операций. Ирония! А офицеры всё ещё хотели бы вести такую же жизнь, как и во Франции. И наш командир роты тоже! О! Мёртвые вопиют!

Брянск, 25 июня 1943 года

Сейчас 5.45. На кухне закипает моя вода для кофе, а так как мне делать нечего, то я записываю события последних дней.

Между Брянском и Орлом, примерно в двадцати километрах отсюда, партизаны взорвали мост. Туда немедленно был направлен строительный батальон, и, когда уже почти восстановили мост, он снова взлетел на воздух при свете солнца. Партизаны! Что можно сделать? Здесь где-то бродит партизанская дивизия, как мы их называем, и я сомневаюсь, чтобы мы могли их уничтожить. Слишком много среди вражеского населения тех, кто с ними заодно. Гораздо больше русских знают немецкий язык, чем я это думал раньше, и они подключаются к нашим телефонам и обо всём осведомлены.

Линия Жиздра – Брянск идёт через леса, которые в нашем представлении непроходимы. И в этих лесах ребята соорудили сторожевые пункты. От бункера к бункеру они перебегают, контролируя небольшой участок железнодорожного пути. И тем не менее в ста метрах от них на днях опять взлетели рельсы.

Когда я в первый раз ездил по линии Смоленск, Рославль, Брянск, Жиздра, то четыре поезда, вышедшие передо мной, нарвались на мины и загородили путь. Много товарищей было убито. Что значит из России выбраться на родину, может понять только тот, кто это сам испытал. Отпускники, словно в сладком сне, садятся в наши немецкие вагоны из бывшего экспресса «Децуг» и... взлетают на небеса. Жёны и дети уже читают письма, доставленные воздушной почтой: «Я приезжаю тогда-то и тогда... жди!» Но он не приедет никогда, сообщение гласит: такой-то геройски пал за фюрера и свою родину.

Партизаны укрываются под одной крышей с гражданским населением и впитывают в себя слухи, а их «горемычные» женщины, вызывая к себе сочувствие, меняют у наших солдат на яйца, молоко и масло спирт и водку. Затем эти женщины, утерев слёзы, готовы к подлинно большим делам. Станный народ. Нет ничего, что представляло бы большие трудности, чем борьба с партизанами; их истребить невозможно. Нужно очищать деревни от населения, если поблизости что-нибудь случилось, и без предупреждения и без пощады детей и женщин уничтожать! Может быть, только это нам принесёт покой? Вчера опять не было никакой почты. Почему? Четыре моста взорваны сзади нас. Со всех сторон приходят сообщения о дерзких делах партизан, и с ними действуют наши немецкие солдаты, и даже есть доктора и санитары, бежавшие от суда, это трудно себе представить. О, я бы с ними сумел разделаться!»

Последние фразы интересны, но не совсем для меня ясны. Понятно лишь одно, что этот «рыцарь» действительно увидел партизан, поэтому и лежит передо мной его тетрадь. В ней он цинично откровенен: без пощады истреблять детей и женщин.

Это надо передать в нашу армейскую газету, пусть там используют.

2 августа 1943 года

Сегодня самолёты бросали по скоплениям немцев нашу новую листовку: «Факты говорят!» Впервые мы заменили стандартный призыв к сдаче в плен призывом обсудить сегодняшнее положение с товарищами и либо уходить домой, либо без сопротивления складывать оружие, как это делают итальянцы.

К вечеру, в результате допроса пленных, были готовы ещё две листовки – о положении в Италии, где сам народ сбросил власть Муссолини и фашистской партии, и другая: «Мы вас предупреждаем» – о том, что каждый, кто участвует в уничтожении наших городов и сёл, кто помогает угонять население, кто выполняет бесчеловечные приказы нацистских офицеров, тот понесёт строжайшее наказание, так как имена преступников не удастся скрыть: мы их знаем!

Бенедек и Мишер сказали, что эти листовки должны произвести впечатление.

К сожалению, непрерывный дождь размыл ближайшие аэродромы, и ночные бомбардировщики сегодня лишены возможности взлететь. Мы испытываем чувство артиллериста, который, зарядив орудие, не может выстрелить.

Военному совету сегодня передана наша докладная о политико-моральном состоянии немецких войск.

С 12 по 31 июля войсками нашей 63-й армии взято в плен 1062 солдата и 206 перебежали сами. У половины из них были найдены листовки, и все, как правило, аккуратно сложены и, очевидно, от долгого хранения протёрлись на месте гибели. Из показаний можно сделать вывод, что интерес к нашим листовкам повышается. Немецкий солдат уже хочет понимать, что происходит.

– Но немецкие солдаты боятся мести за свои злодеяния в России, – показывает добровольно сдавшийся обер-ефрейтор Хендрих Хельмут. – Они ещё верят геббельсовской пропаганде, что русские, войдя в Германию, заберут в рабство женщин и детей, мужчин кастрируют, а сама Германия как государство будет уничтожена. Поэтому, несмотря на крепкие военные удары, несмотря на потерю уверенности в победе, дисциплина немецкого солдата не снижается. Нацистской пропаганде удалось убедить своих солдат, что борьба за Орёл и «восточный вал» представляет собой защиту самой Германии. Это гарантия от возмездия русских.

И тем не менее есть уже факты, десятки фактов, которые упрямо говорят о том, что дисциплина в германской армии поколеблена. И тут воздействуют не только боевые неудачи, но и тревожные вести из тыла. Они привозятся отпускниками, доходят в письмах.

«В Германии теперь многие нацисты не носят своей формы и отличительных знаков, чтобы это не бросалось в глаза и чтобы в случае поражения Германии иметь шансы спасти жизнь».

Это строки из длинного письма ефрейтору Фрицу Мауреру 262-й пехотной дивизии.

Вообще картина настроений в германской армии очень сложная. Весьма возможно, что если бы внутри была организующая сила в виде антифашистских подпольных комитетов и эту силу ощутили бы солдаты как свою народную организацию, то и все антигитлеровские и антивоенные настроения зазвучали бы и проявились по-иному. В какой-то мере, мне кажется, прав перебежчик ефрейтор Хюнтер. Люди, что «особая строгость военной дисциплины на фронте и в тылу сейчас вызывается определённо ощутимой боязнью перед революцией».